

Марина Иванова

ПРОКЛЯТИЕ
ВОРОНЬЕЙ ПУСТОШИ

Марина Иванова

Проклятие Вороньей пустоши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70006804

SelfPub; 2023

Аннотация

Там, в месте силы, где грань между мирами призрачна и почти нереальна, однажды прозвучали слова проклятия. Зло получило жертву, а парень, произнёсший страшные слова – беду. Почти восемьдесят лет прошло, проклятье набирает силу, и пока жив тот, кто обрёл на беду собственный род, оно необратимо. Лиза не верит в проклятье, но рисковать любимым человеком не желает, и вместе с братом – Антоном, отправляется в деревню, где до сих пор живёт их прадед – Тихон.

Марина Иванова

Проклятие

Вороньей пустоши

1

– Я?! За тебя замуж?! – девушка откинула голову и весело рассмеялась. – Ну ты даёшь! Да кто ты есть? Ты всего лишь кузнец. Деревенщина неотёсанная! – Она одарила его взглядом, полным ледяного презрения, привычным жестом смахнула со лба золотисто-рыжие кудряшки. – Да к тому же калека! Да на тебя разве ж кто позарится?!

– Зачем ты так? – исподлобья наблюдая за муравьём, спешащим куда-то по своим делам, буркнул парень. – Люба ты мне, Аннушка! Да и я небезразличен тебе...

– Да ты посмотри на себя! – высокомерно осадил девушка, но что-то плеснулось в глазах, то ли грусть мелькнула на миг, то ли глухое отчаяние с тоской пополам, парень не увидел. Он не смотрел на неё, куда угодно, но на неё смотреть не было сил, слишком больно, не выносимо. А девчонка мотнула головой, отгоняя ненужные эмоции, сжала кулаки, да так, что коротко остриженные ногти впились в ладони. – Пень кривой! Да надо мной вся деревня потешаться будет, ежели мы вместе на людях покажемся, а ты – замуж... Уходи! Сейчас же уходи! Не позорь меня...

– Что не так? – всё так же, не глядя на девушку, спросил он. Ну да, не красавец, и, наверное, ей – городской совсем не пара. Руки, лицо, тело – всё покрыто мелкими ожогами – следствие кузнечного дела, хромой от рождения, разве ж в том есть его вина? Ну деревенщина, говорить правильно не умеет, не чета ей. Но все недостатки искупает его любовь. Кто сможет любить сильнее? Люди говорят, руки у него золотые. Так и есть. Ни в чём Аннушка нужды знать не будет, он способен обеспечить ей достойную жизнь. Да что там достойную! Красивую, безбедную. Всё для неё! А ей... вовсе не надобно.

– Всё не так! – беспечно отмахнулась собеседница. Хлопнула длинными ресницами, одёрнула подол нарядного платья, разгладила его на коленях, поспешно спрятала за спину ладошки. Ей показалось, что руки дрожат. Не заметил бы.... – За мной в городе такие парни ухлёстывают, а ты... – окинула презрительным взглядом, фыркнула насмешливо. – Пень корявый, вот кто ты!

– Пошто обижаешь? Не обещалась ты мне, так и не сторонилась вроде. Что изменилось за год? Али кого получше нашла? – судорожно сжались пудовые кулаки парня. Нет, не тронет, сдерживает не удар – слова неосторожные, но девушка вздрогнула, быстро глянула на кузнеца: заметил ли её испуг и, уверившись, пошла в атаку.

– Ах так! Так да?! Учить меня вздумал?! А ну! Убирайся отсюда, дурачина! – она вскочила со скамейки, затопала,

заверещала едва ли не на всю деревню, миг превратившись из красивой девушки в злобного, взъерошенного чертёнка. – Даже близко к околице не подходи!

Он, не ждавший столь бурной атаки, отшатнулся в испуге, шагнул назад, неловко ухватился за калитку. Хромая нога подвела, запнулся, едва не упав. Девушка, заметив его неловкость, разразилась издевательским смехом, парень, подхватив костыль, торопливо, а оттого неуклюже заковылял прочь. Душила ярость. Рвалась наружу безудержно и неотвратимо. Скорее, скорей! Уйти, раствориться в густом лесу, дать волю эмоциям, поглотившим разум. Уйти... От чужих глаз, от неискреннего сочувствия, от пагубной любви, затмившей свет... От себя, поверившего невзначай в любовь...

Да что же за незадача с больной-то ногой, как ни старайся, быстрее не получается...

Вдалеке загрохотал гром, парень с удивлением поднял голову. Так и есть, надвигается гроза. Это хорошо. Все спрячутся по домам, ливень прогонит с улиц людей, и никто не увидит его позора. Никто не будет смотреть вслед и с сочувствием качать головой: вот ведь угораздило парня родиться калекой! Он редко выбирался со своей окраины, предпочитая обществу односельчан одиночество. Кузня, подворье, мостик над речкой Бунтаркой и огромный лес, знакомый до последней тропки – его излюбленные места, в деревне же парень чувствовал себя чужаком и без надобности не

показывался на люди.

Погода портилась стремительно. Вот только-только ласкало вихрастую русоволосую макушку летнее солнце, и вдруг ветер налетел. Сильный, колючий. Растрепал волосы, надул пузырьём свободного края рубаху. Парень спешил вперёд. Вот уже показалась за домами кромка леса, перемахнуть через мостик над речушкой и раствориться среди берёз... Перемахнуть... Об этом разве что только мечтать. Он всё детство завидовал ловким сверстникам, они мостик вмиг перелетали, для него – очередное препятствие.

И чем тяжелее становился путь, чем больше накапливалась усталость, тем сильнее разгоралась ненависть внутри...

...Он стоял на самом краю обрыва – преклонив колени, широко раскинув руки, поднимая к небу глаза, а вокруг бушевала чудовищная гроза. Он не замечал, как секут его косые струи жуткого ливня, не чувствовал ветра, грозящего скинуть беспомощного человечка в объятия взбесившейся стремнины далеко внизу, страшнее той черноты, что завладела его разумом ничего и быть не могло.

– Да будь ты проклята! – в исступлении кричал парень, вкладывая в слова всю боль, что причинила ему своим презрением высокомерная девчонка. – Пусть проклят будет весь твой род! Сыновья твои пусть не имеют потомства, а дочерям не будет в жизни ни любви, ни счастья! Смерть! Смерть заберёт того, кто полюбит их! Ни одной из рода

твоего не носить обручального кольца, ни одной не примерять подвенечного платья! Да будет так!

И, будто внимая его мольбе, прокатился по лесу тяжёлый громовой раскат. Да будет так!

С оглушительным треском разверзлись небеса, мир развалился надвое, затопила лес ослепляющая вспышка, выбрала себе жертву и...

Парень даже закричать не успел, только вскинул руки, в отчаянной попытке защитить глаза.

2

Лиза кликнула мышкой, закрыв открытые вкладки, выключила компьютер, потянулась, откинула со лба тёмно-рыжую чёлку.

– Ты ещё здесь, Кузнецова? – выглянул из-за соседнего компьютера коллега и незаменимый советчик Макс. – Я думал, уже возле загса топчешься, подпрыгивая от счастья.

– Что-то Тёмка задерживается, – снимая блокировку с мобильного, улыбнулась девушка. Она и впрямь была счастлива. Назначена дата свадьбы, дело за малым осталось – подать заявление в загс, сегодня они с Тёмкой официально объявят о помолвке. – Наверное, большое начальство не отпускает... Сейчас я этому начальству устрою... – и нажала кнопку вызова.

– Кузнецова, а не передумал ли твой мачо жениться? – хохотнул Макс.

Девушка кинула в коллегу огрызок карандаша, погрози-

ла кулаком, заметив, что он успел увернуться, и, оттолкнувшись ногами от стенки стола, крутанулась на стуле.

– Тошка, привет! Как делишки? А... ну ты уже в курсе, я смотрю... Ай, Тёмыч – вражина, проболтался! Ладно, что с ним поделаешь... И где ж тогда Верховцев мой? Почему не отпускаешь? – и после паузы. – Уехал? – улыбка медленно сползла с лица, взгляд метнулся в сторону больших офисных часов. – Сорок минут назад? Странно. Антош, а он никуда заезжать не собирался? Ну ладно... может, и в самом деле в пробке застрял. Вы это... Давайте по этому поводу к нам с Тёмкой в субботу. Посидим, отметим. Ждём вас! И привет Соне.

Они и в самом деле встретились в субботу, вот только повод для встречи был совсем не радостным. Не помолвка во все. Похороны Артёма. Он погиб в тот самый день, не доехав до Лизиной работы всего пару кварталов, попал в страшную аварию. Парень выскочил на перекрёсток, проигнорировав красный сигнал светофора, и влетел под «Газель». Не помогла Артёму непоколебимая вера в собственное бессмертие, свойственная людям, живущим на грани. Риск, адреналин, экстремальные виды спорта и отдыха – это своего рода тоже зависимость, своеобразный наркотик, расцветивающий жизнь жирными мазками. Яркая жизнь – мгновенная смерть, Тёмка так часто говорил об этом, не желая себе иной судьбы...

Лиза не плакала. Внутри будто смёрзся ледяной комок,

безжалостно заморозил все чувства, не давая вздохнуть. Внешне девушка казалась очень спокойной, отстранённой и даже равнодушной, что не ускользнуло от обезумевших в своём горе родителей Тёмы.

– Какая же ты... чёрствая! – ядовито упрекнула девушку мать Артёма. – Хоть бы слезинку проронила, пусть напоказ, притворилась бы, но не стояла с безразличной миной. Из-за тебя он погиб, из-за тебя! К тебе ехал, торопился! А ты... Ты погубила моего мальчика и никогда я тебе этого не прощу! Слышишь?! Никогда!

Лиза не проронила ни слова, даже глаз на несостоявшуюся свекровь не подняла, только побледнела сильно, ссутулилась, да закусила до крови губу. Рядом стоял Антон, поддерживал, обнимая за плечи, не давал рассыпаться хрупкими, замороженными осколками...

Девушка плохо помнила похороны – всё как во сне, будто происходят они вовсе не в её жизни, в чужой, а она лишь смотрит не очень удачную театральную постановку. С таких уйти хочется, не досмотрев, да неудобно привлекать к себе внимание окружающих. И всё вокруг казалось противоестественным в этом жутком спектакле, ненастоящим, казалось, что встанет сейчас Тёмка, подмигнёт лукаво, спросит: «Что, рыжик, грустно тебе? Не печалься, вот он я. Живой и здоровый. А это... Что это? Декорации...». Не поднялся, нет. Упали на крышку гроба первые комья земли, мать Артёма решительно оттеснила Лизу подальше от разрытой могилы. Что

ж, так, наверное, лучше. Есть кого винить и на кого злиться, а значит, от горя своего чуть отвлечётся. Так легче.

Только в машине, пристегнув машинально ремень безопасности, Лиза подняла глаза на Тошку, застывшего на водительском месте.

– Ты как, Лиз? – участливо спросил он, погладив сестру по щеке. – Домой?

– Да, – с усилием шепнула девушка. – Домой.

– Я... знаешь что... – Антон замялся. – Я сегодня у тебя с ночевкой останусь. К вечеру грозу обещали.

Застывшая душа шевельнулась, страх жаркой волной затопил разрозненные осколки, Лиза шумно втянула воздух, кивнула поспешно, ладонями обхватила себя за плечи. Антон выдохнул, заметив, как отступило отупляющее безразличие к жизни. Пусть страх послужил отправной точкой, какая разница, главное – сестра начала оживать.

Интернет не обманул, ближе к вечеру действительно разразилась гроза.

Пока бушевала за окном непогода, Лиза сидела, забившись в уголок между камином и диваном, закутавшись в пушистый плед с головой. Вздрагивали худенькие плечи, время от времени девушка испуганно вскрикивала, и всё время, пока гроза не закончилась, держал сестру за руки Антон. Живое человеческое тепло разгоняло теснившиеся тени, помогало удержаться, не сойти с ума от потусторонней жути. Тёплый бок камина, яркий огонь, потрескивание поленьев

и родной человек, не размыкающий рук... Только так спасалась Лиза от грозы, от сумрака, караулящего её в сплоче молний, от раскатов грома, похожих на карканье старого ворона – неизменного вестника беды.

Весной и летом, когда непредсказуемая погода внезапно может разразиться нежданной грозой, Лиза старалась не выбираться из дома, даже работала большей частью на удалённом доступе, ведь если гроза застанет её на улице... страшно подумать, что будет тогда...

Бронтофобия – вынес вердикт врач детской клинической больницы, куда доставили крошечную Лизу, потерявшую сознание во время грозы. И как мама ни доказывала, что реакция младенца на грозу вовсе не похожа на паническую атаку, доктор не верил. Ему не довелось наблюдать, как смотрела малышка безумными глазами в стену, как кричала от ужаса, прогоняла кого-то невидимого, размахивая пухлыми кулачками. Мама, опасаясь, что дочь упекут в психиатрическую клинику, больше не обращалась к врачам, она-то знала – не расстройство психики у Лизаветы, она просто особенная, её девочка, она способна видеть то, что недоступно другим.

– Тошка... – Лиза стояла у окна и, обхватив руками плечи, с тоской глядела в темноту. Шуршал по стеклу затихающий дождь, ронял тяжёлые капли на широкие листья старого клёна, он будто оплакивал вместе с Лизой её потерю, сочувствовал, вздыхал за окном, нашёптывал недоступные человеческому уху слова.

– Звала? – Антон протянул сестре чашку с кофе, пытливо заглянул в глаза. – Тебя что-то тревожит, Лиза?

– Тревожит... Еще как! Ничего, что мы с похорон приехали? – Лиза застыла с чашкой в руке, будто гадая, стоит ли делиться невесёлыми мыслями с братом. – Тош... У меня за спиной целое кладбище.

– Не понял... Сестрёнка, ну что за глупости? – он обнял её, успокаивая.

Лиза безучастно смотрела в окно, она всё для себя решила, сделала выводы. Сегодня, буквально сейчас, сразу после грозы вдруг пришло понимание, словно встал на место недостающий фрагмент мозаики. Девушка мотнула головой, предупреждая уговоры брата, дёрнула плечом, скидывая его руку, ответила ровным бесцветным голосом:

– Первый мой жених не вернулся из армии, его застрелили дезертиры, а ведь Серёжа в отпуск собирался, ко мне. Мы с ним тайком от родителей расписаться хотели, сговорились заявление в загс подавать... Второй жених – Руслан – погиб при пожаре, спасая людей из огня. Тоже накануне подачи заявления. Теперь вот Тёмка... Что это, Антон? Что со мной не так?

– Лизка, ну что ты несёшь?! – испугался Антон, сообразив вдруг, что истина в словах сестры имеется. – Простое совпадение. Так бывает...

– Ну какое совпадение?! Трое, Тош! Представляешь? Трое! У меня скоро в привычку войдёт, любимых мужчин

хоронить. Мне всего двадцать пять, а уже три потери, дальше что будет, не подскажешь?! А я знаю! Снова влюблюсь, снова буду о свадьбе мечтать, а потом... Вместо свадьбы похороны случатся! Вот как всё будет!

– Всё это совпадение, Лиз, не более того. – Антон задумался. Надо срочно выдвинуть контраргумент, да вот что сказать, когда сестра во всём права? – Руся – герой, всё время рвался спасать кого-то, со смертью в прятки играл, где уж ему мимо пожара пройти, кинулся, очертя голову, не соображая, что делает. Да и откуда ему... он же не был спасателем. Он и до встречи с тобой тридцать три раза погибнуть мог, сама рассказывала, то за котёнком на дерево, то за собакой в колодец... В армии тоже всякое случается, а Тёмка... ты же сама говорила, что с подобной манерой езды, он когда-нибудь доездится. Да и мне ли не знать? Сам с ним не ездил никогда. Тёмыч мой друг, мне искренне жаль, что так всё сложилось, но, сестрёнка, тебе не стоит терзать себя. Ты в его гибели не виновата, что бы там ни говорили его родители... Ты, знаешь ли, не давила на педаль газа, когда он на красный свет рванул. Тебя вообще рядом не было. – Антон помедлил, а потом спросил с затаённым ужасом в голосе, – Скажи мне лучше, Лизонька, что ОНИ... сказали тебе сегодня?

– Сказали... сказали... – Лиза зажмурилась, со стоном прижала к пульсирующим болью вискам ладони. Воспоминания перед внутренним взором возникали спонтанно, она

будто карты из колоды выдёргивала. Одну за одной, и всё они беду предвещали. – Ник... Никита... Кольцо... Дорога, ливень. Скользко... Дальний свет фар навстречу... Визг тормозов... Ой, какой визг... уши закладывает! Дальше... Овраг и... – Широко распахнув глаза, Лиза всем корпусом повернулась к брату. – Тошка! Срочно маме звони, Ник в опасности!

– Что? Что сказать? – подхватывая со стола телефон, выдохнул Антон. Он привык верить сестре на слово, ни секунды не сомневался.

– Скажи, чтобы не принимала его предложение. Иначе он... Он погибнет. Так же как мой отец, так же, как твой. Так же как Серёжа, Русик, Тёмка... Что это, Тошка? – Она подняла на брата полные слёз глаза. – Я ведь только сейчас подумала, что мама тоже, как и я, теряет любимых. И бабушка... Это проклятье, да?

Антон не слушал, он что-то кричал в трубку, объясняя матери, почему ни в коем случае нельзя принимать предложение Ника.

Своих отцов ни брат, ни сестра не знали. Оба погибли ещё до рождения детей. Отец Антона за три недели до свадьбы был командирован в Среднюю Азию, всего-то на несколько дней, и надо ж было так нелепо погибнуть. За пару часов до вылета домой его укусила ядовитая змея. Сыворотку ввели, но последовала аллергическая реакция, анафилактический шок развился почти мгновенно. Смерть. Глухая, нелепая...

Невеста его была на пятом месяце.

Лизин отец работал телохранителем при важном человеке, погиб от пули, успев закрыть собой начальника. А за несколько минут до нападения, он строил планы на будущее, собираясь, вернувшись из командировки, вести в загс любимую женщину и усыновить в дальнейшем её сынишку. Он даже предположить не мог, что домой никогда уже не вернётся.

Его начальник пришёл к ней сам. С ужасом рассматривал крохотную комнатку в огромном семейном общежитии, где как флаги раскачивались на сквозняке детские одежки, развешанные на натянутой под потолком верёвке, разглядывал молодую рыжеволосую женщину в линиялом простеньком халате и белобрысого пацана, в страхе жмущегося к её ногам, и отчего-то не мог вымолвить страшные слова. Они будто в горле застряли, не пропихнуть. Он лишь кивнул на её молчаливый вопрос, отвёл глаза и вышел, оставив успокаивать женщину своих людей.

Он стоял во дворе, не в силах сдвинуться с места, мял в руках конверт с деньгами, который почему-то постеснялся отдать, смотрел на обвалившийся бортик детской песочницы, на наглого одноухого котяру, энергично закапывающего в песок продукты своей жизнедеятельности, и от бабьего воя закладывало уши. Ему и самому хотелось завывать, он удивлялся себе – никто и никогда не мог вызвать в нём подобного сочувствия, а тут от жалости душа рвалась на части. Он

уже тогда знал, что вернётся сюда. Не сейчас, позже, сейчас не хватит мужества, но он вернётся, не оставит без помощи этих людей. И ещё... Раз и навсегда решил он в тот день расстаться с криминалом. Не из-за страха смерти, нет, он повидал её и не боялся, что-то сдвинулось в его сознании, когда шагнул из захламлённого коридора в убогую комнатку. Он – Никита, никогда ещё не был так уверен в правильности своих решений.

Он стал для них добрым ангелом, всегда был рядом, помогал деньгами, снял им на окраине небольшую квартирку, а однажды с удивлением заметил, что семья погибшего охранника стала его семьёй. Второй семьёй. Сколько лет прошло на момент осознания? Сколько ещё прошло, когда отношения с Вероникой перестали быть просто дружескими. Дети давно уже считали его своим, называли их с мамой Ник-Ник, подшучивали, а они всё никак не могли признаться друг другу, он боялся отказа, она – потерять его, ведь когда хоронишь одного – это случайность, двоих – уже статистика. Так считала Ника, теперь так считает и Лиза...

Ник жил на две семьи, мучился, страдал, но изменить ничего не мог, да, пожалуй, и не хотел. Он купил Нике таунхаус возле реки прямо на границе города, приезжал наездами, то спешил, то оставался едва ли не на неделю. Так и жили.

Когда Лизе исполнилось восемнадцать, Никита купил Веронике квартирку в другом городе, там, куда часто ездил в командировки, и подальше от своей семьи, приобрёл кро-

хотный салон красоты, лишь бы любимая не скучала в одиночестве. Она не скучала, развернула бизнес, начав с одного-единственного подаренного салона, остановившись на пяти. Очередь в «Визави» была расписана на месяц вперёд, сеть работала как часы, Нике оставалось лишь изредка навещать с проверками.

Женился Антон, Ник помог ему приобрести квартиру в рассрочку под смешные проценты, съехала мама, так и осталась Лиза в большом доме одна. Иногда ей было страшно, иногда просто жутко, но она держалась, не жаловалась, просто радовалась, когда кто-то приезжал в гости и скрашивал её одинокие вечера своим присутствием.

– Успел? – бесцветным голосом спросила Лиза, когда Антон вернулся в гостиную. Она всё так же смотрела в окно, сжимая побелевшими пальцами чашку с осевшей молочной пенкой. Что пыталась разглядеть в мрачной глухой темноте? Как знать...

– Как раз вовремя, – упав на диван, выдохнул Антон. – Как ты?

– Нормально.

– Тебе... страшно, Лиз?

Девушка отрицательно качнула головой, плотнее закуталась в плед, тихонько опустила на пушистый ковёр перед камином. Казалось, она не хочет больше говорить о смерти, и точно.

– Тош, а почему ты один, без Сони? – перевела разговор

на другую тему она. – Я только сейчас сообразила, что сегодня не видела её... Это из-за похорон, да? Она из-за них не приехала с тобой?

– Соня... – Антон хрустнул пальцами, поднялся с дивана, подошёл к окну, проследил взглядом путь дождевой капли, сорвавшейся с карниза и медленно ползущей по оконному стеклу. – Соня ушла от меня. Вчера. Она... ну в общем, ребёнка у нас зачать не получается. А Соня очень хочет. Да и я тоже... Мы проверялись оба, и у обоих всё в порядке. Врачи говорят, что несовместимость. Соня не смогла смириться и уже и на развод подала. Я... сестрёнка, если ты не возражаешь конечно, оставляю ей квартиру и домой вернусь, ладно?

– О чём речь? – Лиза обрадовалась, и радости своей скрыть не смогла. – Ну конечно возвращайся, это и твой дом тоже. Мне даже лучше, не так одиноко будет.

3

Лес окутала бархатная тьма. Скрыла от людских глаз привычные очертания, растворила контуры деревьев, наполнила лес множеством новых звуков. Стрекот сверчка, сонное перешёптывание деревьев, уханье совы...

Небольшой костерок на крохотной лесной полянке не в силах был разогнать сгустившуюся тьму, но старался, то и дело выпуская в воздух целые снопы ярко-оранжевых искр. А освещал-то всего ничего, лишь серьёзные лица мальчишек, тревожным полупшепотом пересказывающих друг другу страшные байки. Самое лучшее время для страшилок –

глухая ночь в лесу. Днём страшилки не рассказывают, днём им веры нет, когда светло, всё просто и понятно, но ночью даже самая пустяшная история видится совсем в другом свете. И замирает сердце от страха, невольно начинаешь прислушиваться, ловить каждый посторонний звук, вглядываться в темноту, и невольно веришь каждому слову рассказчика.

Пятеро подростков сидят вокруг небольшого костерка, все лохматые, одетые в мешковатые штаны и льняные рубахи, босые, лишь шестой, самый маленький, неведь каким чудом затесавшийся в компанию, обутый в грубые бабки...

Мальчишка во все глаза смотрел на старших товарищей, жался к костру, тянул к огню тонкие ручонки и от каждого постороннего звука вздрагивал, втягивая голову в плечи и тревожно озираясь по сторонам. Ночёвка в лесу случилась у него впервые. Сам напросился, увязавшись за братьями, четырнадцатилетними близнецами Семёном и Егором. Батяка ни в какую отпускать не хотел, даже выпороть неслуха грозился, но упростили. Мама вмешалась. Растрепала светлые вихры младшего сынишки, улыбнулась мужу той особенной загадочной улыбкой, что частенько наблюдали у неё сыновья, батяка и растаял. Ну действительно, парень же растёт, не девица, возле себя не удержишь. Да и братья, опять же, клятвенно пообещали, ни на шаг малого от себя не отпускать. Пусть идёт, глядишь, закалится немножко,

хворать перестанет...

– Бают, Пустошь воронья кружит по лесу, сбивает тропинки, морок наводит, – шептал Егор, тревожно прислушиваясь к звукам ночного леса. Он считал себя взрослым, но и ему было немного не по себе.

– К-как это? – сгорая от нетерпения, ёрзал по земле малец, ох, как ему – хворому, домашнему мальчику было страшно и интересно одновременно! – Расскажи, братка...

– Ну как... – усмехнулся Егор, скатывая в подставленные ладони братишки чёрный кругляш печёной картохи, – Идёшь себе по лесу, вроде весь его до последнего кустика знаешь, и враз плутать начнёшь. Охотник – Игнат с Затона, я слышал, седмицу в тайге плутал. А ведь им исхожен лес, весь до последней тропки...

– Ух ты! – подивился мальчонка, – Что ж, на эту пустошь и ходу нет? – Он ел картошку прямо с обугленной кожурой, перемазался весь, утёрся подолом рубашонки, и всё это, не сводя с брата горящих азартом глаз.

– Отчего же? Есть тропка, – загадочно усмехнулся Егор. – Но Пустошь сама ведает, кого примет, кого закружит, а кого и на погибель к болоту выведет...

– А мы пойдём туда? – мотнув головой так, что льняные пряди отросших волос закрыли лицо, нетерпеливо перебил брата мальчик.

– Куда, Тишка? На пустошь? – встрял Семён. – Нет, братка, нам туда хода нет...

– Забоялись! – сделал вывод Тихон. Растопыренной пятернёй он откинул волосы от лица, задрался рукав рубашонки, мелькнуло в воздухе тонкое, будто веточка, запястье, отвёл глаза старший брат. Одиннадцать лет Тихону, а росточком с семилетнего будет, болеет часто. Слишком часто. Слабеет день ото дня.

– А ты что ж, не боишься? – подмигнул ему Алексей, он был старше остальных и очень гордился тем, что над верхней губой его уже топорщицалась щёточка жиденьких усов.

– Не... – дёрнул худеньким плечиком Тихон. Он старательно отворачивался от Лёши, боялся засмеяться, уж так нелепо выглядел на детском личике атрибут взрослости – усы, словно он шерсти пучок где ухватил, утёрся, да она под носом и прилипла.

– И ведьму не забоишься?

– Какую ещё? – мальчик насторожился, втянул голову в плечи, с трудом подавив желание кинуть взгляд в сторону леса, поднял с земли веточку, принялся ломать её руками, а у кромки леса почудилось движение, будто пробежал кто, притаился в кустах.

– Страшную старушеницю, что на пустоши в избушке живёт.

– С воронами? – Тихон с трудом перевёл взгляд с тёмных кустов на костёр, бросил в огонь обломки веточки. Рыжее пламя весело фыркнуло, посмеявшись над страхами мальчика, отскочил в траву красный уголёк.

– Может и с ними... – старшие мальчишки забавлялись, пугая мальшиа страшилками, они-то знали эти сказки наизусть ещё с детства, сами сколько раз дорогу на пустошь пытались найти. Да разуверились. Вроде и существует поверье, и пустошь увидеть можно, сплавляясь вниз по реке, а вот лесом найти её не удавалось ещё никому, и стала Воронья пустошь всего лишь детской страшилкой, рассказывали которую исключительно шёпотом и обязательно тёмной ночью.

– Не... не боюсь, – подумав, решил малец, украдкой подмигнув пламени.

– И что ж, один отправишься? – усмехнулся Стёпка – городской мальчишка, отправленный родителями на лето к бабушке в деревню. Он трусил и ревностно поглядывал на увечного сынишку кузнеца, неужто сдюжит? Один да на Пустошь?!

– И пойду! – решительно тряхнул вихрастой головой Тихон, зашарил рукой по траве в поисках костыля, нашёл, сноровисто поднялся на ноги. – Ну? Где дорога?

– Обожди! – беззлобно рассмеялся Семён, усаживая меньшого братишку на землю, – До света погоди, торопыга...

Тихон лишь кивнул. Глубоко задумался о чём-то, глядя вдаль – и боязно, и интересно. Так интересно, что дух захватывает, и сердечко заходится радостным бегом. Вот оно, самое настоящее приключение! Никому не удаётся на Пустошь выйти? Это мы ещё посмотрим, авось ему-то и поко-

рится стёжка-дорожка, выведет к искомой горе. С самого детства чувствовал в себе Тихон некую обособленность. И не с увечьем она связана, вовсе нет, просто неинтересно ему было в компании сверстников, он больше мечтал, всё думал о чём-то, грезил несбыточным. Он и в кузне-то, во все глаза за отцом наблюдая, не грубым кузнечным делом интересовался, а ювелирным больше, рисовал углём на дощечках диковинные узоры, таскал отцу, мол, давай вот так сделаем, или так украсим. Отец отмахивался: «Пустое!», мальчик пожимал плечами, но расстраиваться не спешил. Вот подрастёт, овладеет мастерством, сам будет красоту ковать!

Едва тронул верхушки деревьев серый утренний свет, проступили из темноты очертания деревьев, Тихон поднялся на ноги, тряхнул задремавшего Сёму за плечо.

– Сём! Я готов!

– Тьфу пропасть! – беззлобно ругнулся Семён. – Спи давай, ходок! Побрехали и будет!

Тихон оказался настойчивым.

– Сём, коли дорогу не покажешь, сам пойду!

– Волки в лесу. Как обороняться будешь? – досадуя на приставучего братишку, обозлился Семён.

– Ну братка..., – тянул Тихон. – Не тронут меня волки. Отродясь их тут не было...

Проснулись мальчишки, Алексей, зевая, подмигнул Семёну.

– Да отведи ты его, пусть идёт, ежели смелый такой.

Семён понял задумку друга. Была в лесу тропка одна. Если не сворачивать, идти строго по ней, сделаешь петлю по лесу и вернёшься в исходное место, выйдешь почти к поляне, облюбованной не одним поколеньем мальчишек. Он кивнул, положил руку брату на плечо, повёл его к лесу.

Тихон с отчаянием глянул на мальчишек, а ну как сложится его поход! Ему стало даже не страшно, нет, по-настоящему до икоты жутко, но отступить – значит прослыть трусом и глупцом, в деревне молва любой слух распространяет в считанные секунды. Он закусил губу, стараясь ничем не выдать страх, пошёл вслед за братом, стараясь не отставать...

И вот тропа.

– Ну что, братка, – усмехнулся Семён. – Не забоялся?

– Не... – Тихон икнул от страха, стыдливо опустил глаза. Отступить бы... Он лихорадочно искал повод, глядел на брата с надеждой. Ну как возьмёт за плечо, рассмеётся, скажет, что пошутил.

– Тогда иди. Никуда с тропы не сворачивай, заплутаешь...

Вдребезги разбилась надежда. Мальчик обречённо кивнул, пошёл по тропинке, остановился, с отчаянием обернулся на брата, вдруг остановит – вздохнул. Что ж, он сам настоял, надо идти. Пожалуй, Тихон был единственным, кто ещё не знал о хитрой тропе, возвращающей путника в начало пути, наверное, с каждым мальшиком проделывали старшие парни

невинный розыгрыш. Запугивали, заинтересовывали и под-
водили к тропе. Часу не проходило, как незадачливый малец
выходил на ту же самую поляну. Когда-то в путь-дорогу
на поиски Пустоши отправлялись и Егор с Семёном, но они
шли вместе, им не было так страшно, как Тихону сейчас. И
почему-то ни один не задумался о том, что Пустошь, если
верить деревенским сказкам, найти невозможно, так отку-
да же взялась тогда протоптанная тропка?

Его не отпустили одного, следом, стараясь двигаться как
можно тише, скользили, прячась за деревьями, две тени.
Алексей и Семён. Им не нужно было видеть мальчишку, до-
статочно слышать, он, по неопытности, производил слиш-
ком много шума. Маленький, тщедушный – он ломился по
лесу будто медведь. Парни, топая сзади, посмеивались.

Вдруг Семён остановился, замер, прислушиваясь, вскинул
руку, призывая друга к тишине.

– Ты чего? – не понял Алексей.

– Ты слышишь его? – спросил Семён. Тихо было в лесу.
Тихо-тихо. Как бывает перед грозой. И тишину эту не на-
рушал ни единый посторонний звук.

Парни, не сговариваясь, побежали по тропинке. Тихона не
было. Вот здесь он шёл, трава примята, вот здесь был – от-
печаток костыля хорошо пропечатался на земле, вбив в ям-
ку кустики травы, а вот здесь никто не проходил давнень-
ко. Паутина, натянутая деятельным паучком, целёхонька,
а пацан непременно повредил бы её, пробираясь вперёд. Но

куда же он делся? Куда?

4

Разбуженная телефонным звонком, Лиза с трудом оторвала голову от подушки. Кто бы это ни был, стоит сказать ему спасибо, любитель ранних звонков вырвал девушку из очередного кошмара. Яркого кошмара, реалистичного до такой степени, что даже сейчас, проснувшись, Лиза всё ещё чувствует запах мокрой земли и пронизывающий холод. С трудом отделив реальность от сна, Лиза потянулась к прикроватной тумбочке, нашарила телефон, поднесла к уху.

– Ну и кому я понадобилась с утра пораньше? – ворчливо поинтересовалась она, пытаясь сфокусировать взгляд на настенных часах.

– Окстись, Лизон, какое утро? – так приветствовать её мог только начальник. Он же родной дядя, брат матери. – Уже давно рабочий день начался.

– Я в отгулах, – зябко кутаясь в одеяло, простонала Лиза. Понимала, неспроста звонит начальник, ох, неспроста. Похоже на работу вызвать её собрался. Работала Лиза в крупной клининговой компании, занимающейся помимо обычных услуг оформлением праздников и корпоративов. Лиза числилась руководителем отдела организации, то есть практически вся деятельность компании была в её ведомстве.

– Лиз, я всё понимаю... Горе, похороны, в себя надо прийти... – посерьёзnel директор, – Но работа есть работа. Без тебя сегодня никак. Поступил очень крупный заказ. Дочка

олигарха местного замуж собралась, всё надо по высшему разряду организовать. А для начала пожелания выслушать и разобраться в них. Поверь мне, Лизонька, это только тебе под силу. Люди большие, с претензией... сама понимаешь. Не Макса же на них натравливать, замордует же бедных на второй минуте своими шуточками.

– Да уж, Макс тот ещё шутник... Хорошо, буду через час. – Лиза смирилась. Что ж, так, наверное, даже лучше, находиться дома одной невыносимо, мысли не отпускают, снова и снова перед мысленным взором возникает страшный взгляд матери Артёма, снова вспоминаются её слова, её ненависть. Страшно. Жутко до дрожи. Ни дай бог когда-нибудь пережить это снова. Смерть близкого человека, похороны, несправедливые обвинения. Или справедливые?

Лиза не помнила дорогу до офиса. Совсем. Помнила, как вышла из дома, как села за руль, и всё... дороги будто и не было. Перед глазами снова плыли обрывки ночного кошмара, путались с действительностью, с недавними воспоминаниями. Похороны. Кладбище. Мелкий морозящий дождик. Рвущий душу крик Тёмкиной матери. Что это? Отражение действительности? А сон? Предостережение? Ответа не было.

Вот и стоянка. Лиза даже удивиться успела, но вышла из машины, пошла к зданию, на ходу вынимая из кармашка сумки пропуск.

Из-за угла, наряженная в немислимо пёстрые одёжки, вся

в побрякушках, с чёрными кудрями, перехваченными пёстрой полоской ткани, прямо на Лизу выскочила цыганка. Не глядя, схватила за руку:

– Дай погадаю тебе, красавица. Что было, что будет – всё как есть расскажу! – заглянула Лизе в глаза и отшатнулась в страхе. – Смерть! Смерть с тобой за руку ходит! – и пёстрой вспышкой метнулась прочь.

– Постой! – Лиза успела ухватить край широкой юбки. – Погоди чуть-чуть! – взмолилась она. – Расскажи, что ждёт меня, как беды избежать. Я заплачу тебе, хорошо заплачу, вот смотри... – она полезла в сумку за кошельком, – у меня есть деньги. Немного, но в холле банкомат стоит, я сниму наличных сколько нужно.

Цыганка вырвалась, даже не взглянув на протянутый кошелек, подобрав юбки, шустро отскочила в сторону, но всё-таки обернулась к Лизе, заговорила быстро-быстро, будто боялась, что Лизина беда к ней прицепиться может.

– Смерть. Проклятье. Сильное, родовое. Не справиться... Тебе проклятье, детям твоим. Опасно. Разговаривать с тобой. Близко к тебе быть. Опасно... – и исчезла, будто и не было. Вся толпа, крутящаяся поодаль, словно почуяв, разноцветной, шумной и крикливой волной схлынула от здания в сторону бульвара.

Лиза в недоумении проводила взглядом маленького чумазого парнишку, отставшего от матери, и пошла к дверям.

Весь день Лиза, загруженная работой, даже не вспомина-

ла о цыганке, похоронах, кошмарном сне и вчерашней грозе с мрачными видениями. Загрузили её так, что кофе глотнуть некогда было, клиенты, как и ожидалось, попались сложные, нервы помотали со вкусом и знанием дела, но, когда вышла из офиса под морозящий, совсем нетипичный для середины мая дождь, как нахлынуло. Всё сразу. И ядовитой змеёй шевельнулся внутри потусторонний ужас.

Но села за руль Лиза уверенно, знала, не её опасность угрожает – исключительно тем, кто рядом. Разобраться бы, найти зависимость и закономерность. Установить причину испытаний, выпавших на её долю. Проклятие? Чушь! Не верит Лиза в проклятия. Ну да, глупо отрицать наличие другой реальности, Лиза свыклась с ней, ведь с самого раннего детства способна видеть то, чего не видят другие. Но проклятия – это что-то ну совсем из ряда вон, в них девушка верить отказывалась. Проще списать череду трагических событий на злой рок, фатум, да как угодно; искать что-то в себе, в своих поступках, видеть в том, что случается вокруг неё, наказание за собственные ошибки... И Лиза тщательно анализировала собственную жизнь, пытаясь разобраться и понять, что и когда она сделала не так.

Машина слушалась плохо, характер показывала, Лиза злилась, хотелось как можно скорее добраться, растопить камин, уютно устроиться на пушистом ковре с чашечкой ароматного кофе. Только дома может быть по-настоящему тепло и безопасно, дома не случится беды, и Лиза торопилась,

не обращая внимания на капризы автомобиля. Вот мост, осталось совсем чуть-чуть, машина съехала с моста на просёлочную дорогу, фыркнула, как показалось девушке, насмешливо и встала. Заглохла намертво. Напрасно Лиза поворачивала ключ в зажигании, напрасно уговаривала. Бензобак был безнадёжно пуст.

До дома оставалось всего ничего, метров пятьсот, не больше, но Лиза с трудом представляла себе путь под дождём. И одета не по погоде, и зонт утром не прихватила, а дождь – мелкий, осенний – никак не унимался. И машину так просто не бросить – дорога узкая, если перегородить, никто больше не проедет. Девушка схватилась за телефон, набрала номер брата, но противный механический голос заверил её в недоступности абонента. Что ж за невезуха такая?!

Так бы и сидела она в ожидании Антона, но кто-то посигналил ей, отчаяние сменилось надеждой.

Большой тёмно-синий внедорожник «Мицубиси» проплыл мимо по размытой обочине, конечно, на такой машине и по обочине можно, танки грязи не боятся, это её «Опельку» разве что на пузе по такой-то грязи проползти, и то, если не завязнет намертво всеми четырьмя колёсами. Лиза приготовилась выругаться вслед, надо же возмущённо посигналить и умчаться, не оказав помощь, но внедорожник, обогнув её машину, остановился чуть впереди. Прилипла к стеклу любопытная детская мордочка, засветилась открытой улыбкой. А из машины прямо под дождь выскочил молодой

мужчина, подбежал к Лизиной машине и постучал в стекло.

– Доброго времени суток! – вычурно поздоровался он. – Позвольте полюбопытствовать, вы автомобиль можете таким оригинальным способом или помощи ждёте?

– Да вот... – растерялась Лиза. – Застряли мы. Бензин неожиданно кончился.

– Так уж и неожиданно... – не поверив, подмигнул собеседник. – Далеко вам ехать?

– Нет. Посёлок. Третий дом...

– Я в пятом живу. Вот едем с дочкой, обживать апартаменты.

– С дочкой? – переспросила Лиза, невольно кинув взгляд на его машину. Там, за стеклом, определённо был кто-то третий. Рассмотреть, как следует, не получалось, но Лиза готова была поклясться, в машине на пассажирском сиденье сидела женщина.

– Ну да, – не заметив растерянного взгляда девушки, подтвердил мужчина. – С дочкой. Обезьянка та ещё, вон какие рожицы строит, но девчушка хорошая, соседям проблем не доставит... – и добавил как-то совсем неуверенно, – Надеюсь. Очень надеюсь.

– Ага! – Лиза решила сменить тему. – В отличие от рабочих, которые всю весну делали ремонт в вашем новом доме.

– Ну извиняйте, милая леди, без ремонта никак. Там же до нас старички жили, и обстановка была, прямо скажем, унылая. Да что мы мокнем? – вдруг опомнился он. Стряхнул ла-

донью с коротких волос дождевые капли, улыбнулся. – У меня трос есть, давайте помогу вам до дома добраться.

– Придётся принять ваше предложение. В качестве компенсации за шум от ремонтных работ.

Лиза пыталась шутить, улыбаться, непринуждённо болтая с новым соседом, а на душе лютым зверем царапался страх. Домой, домой. Сесть на ковёр перед жарко натопленным камином, поставить перед собой чашку кофе, смотреть на рыжее пламя, бьющееся за стеклянной дверцей и ждать Антона. Только так. Только он понимает, может успокоить. Когда брат рядом – Лизе совсем-совсем не страшно.

Доехали быстро. Лиза вышла из машины, смущаясь, поблагодарила своего спасителя, извинилась за то, что задержала, а он только рассмеялся в ответ.

– Не волнуйтесь, мне было крайне приятно оказать посильное участие в спасении столь милой девушки. Более того – соседки! Соседскую вежливость ведь ещё никто не отменял, правда? Хотя... по такой-то погоде, ещё полчаса и вы до дома самостоятельно бы добрались. Вплывь. В любом случае, чрезвычайно рад знакомству, – без остановки болтал парень. – А теперь разрешите откланяться, дочка устала, пора нам.

– Конечно. Не смею вас больше задерживать, – в тон ему ответила Лиза, дурашливо присев в реверансе. Да, соседскую вежливость никто не отменял, и она старалась, изо всех сил старалась держаться, не выпускать на волю истинные

чувства. Ни к чему показывать соседям свою боль, ни к чему нарываться на вежливое сочувствие и ненужные вопросы.

– Смею надеяться, что наша следующая встреча случится уже на днях.

– Всенепременно! – улыбнулась девушка, открыла кованую калитку, заспешила к дому, короткая встреча на дороге мгновенно была забыта.

Антон ворвался в дом ураганом. Забыв разуться, и срывая на ходу ветровку, он прошёл в гостиную, увидел сестру, выдохнул с облегчением.

– Лизка! Ну что же ты, дурища, на звонки не отвечаешь?! Я раз сто набирал!

– Ой... Тошка, извини... я телефон в сумке оставила, не услышала.

– Как дал бы в лоб! – шутливо замахнулся брат. – Я чего только себе не насочинял!

– Ну прости, прости, прости...

– Я подумаю, – проворчал Антон.

– А я сейчас кормить тебя буду. Подлизываться, так сказать.

– О да! Я голодный как медведь по весне! Но! Ужин откладывается. Я тут такое нарыл! Закачаешься!

– Что именно? – дежурно поинтересовалась Лиза. Заинтересованности в её голосе слышно не было. – Коллекцию марок, что в детстве собирал?

– Да не... – на сарказм сестры Антон внимания не обра-

тил. – Я на работе генеалогическое древо составлял. Весь день! Даже обедать не ходил, так увлёкся.

– Детский сад, ясельная группа! – фыркнула Лиза. – Я-то думала, что он там нарыл... – лениво потянулась она.

– Именно! – тёмные глаза Антона лихорадочно блестели, и до того он напоминал сумасшедшего учёного, открывшего нечто, что Лиза невольно хихикнула. Впрочем, Антон не заметил. – Лизка, ты даже не представляешь себе, что я там нарыл! Смотри!

Он ушёл в коридор, повозился там, догадался всё же скинуть мокрые ботинки, вернулся со свёрнутым в трубку ватманом.

– Смотри, Лиз. Оказывается, в нашей семье прослеживается одна и та же тенденция. Идёт она, начиная с прадеда Тихона и прабабки Нюры.

– И что же это? – не особо заинтересованно спросила Лиза. – Рыжие волосы по женской линии? Это я и так знаю.

– Ну ка, малая, хватит ёрничать! – сердито нахмурился старший брат. – Послушай лучше. Дело говорю!

– Я вся во внимании.

– Так вот... – как ни в чём ни бывало, продолжил Антон. – Ни одна женщина нашего рода не была замужем. Детей рожали много и легко, но все они вне брака. У нас полно родни... ну ка, сеструха, вспомни, есть кто замужний? – и, глядя в свои записи, оборвал сам себя. – Нет, блин. Ошибся я. Людка, сестра двоюродная замужем. Эх... Такая стройная

версия была!

– Не ошибся. Люда приёмная.

– Да ладно?! Такая же рыжая, как остальные!

– Наверное, так бывает, – пожала плечами девушка. – Люда ещё подростком была, когда обнаружила среди документов свидетельство об усыновлении.

– А родители? Как они ей это объяснили?

– Они до сих пор не знают, что Люда в курсе. Она только мне и доверилась. И то... На эмоциях. Так что, – разглядывая линии и стрелочки, заключила Лиза, – верна твоя теория.

– И это ещё не всё! – мрачно добавил Антон.

– Ты меня добить решил? Валяй, я на всё готовая...

– Скорее себя... – Антон отвернулся. – Посмотри мужские линии, – после паузы сухо сказал он. – Видишь что-нибудь?

Лиза внимательно изучала схему, вычитывая имена и родственные связи, и, странное дело, стрелочки, подразумевающие наличие детей, отходили только от женских имён, квадратики с мужскими именами будто тупиком заканчивались... Все, кроме одного, с именем отца Люды. Но Люда-то приёмная!

– Бездетность... – выдохнула Лиза, сообразив, наконец, что имел в виду брат.

Две головы склонились над ватманом, тщательно пытаюсь понять, что не так с их семьёй. Пытаясь вспомнить хотя бы одного родственника, выбивающегося из общего ряда. Цепоч-

ка странных смертей вокруг женщин их семьи, бесплодие у мужчин... что это значит? Совпадение? Отнюдь. Ни Лиза, ни Антон не тешили себя пустыми надеждами, приписывая череду повторений банальной случайности. Не бывает случайностей в жизни, бывает закономерность. А вот её-то объяснить не получалось.

– Смотри, Лиз, – указал на схему Антон. – Всё началось с прадеда и прабабки. Они оба нарушают тенденцию. Прабабушка была замужем, фамилию меняла, в девичестве она Мартыновой была, а прадед, соответственно, имел потомство. Да богатое... Получается... Надо искать что-то, связанное с ними.

– Знать бы что... – уныло проворчала Лиза. – Деду уже сто лет, да и не говорит он лет пятьдесят, если не больше, а баба Нюра умерла совсем молодой...

– Может, наша бабушка знает что? Она ж дочь им всё-таки.

– Не знаю, Тош, можно, конечно, спросить. А я вот всё думаю... права была сегодняшняя цыганка, ой права!

– Что за цыганка? – живо заинтересовался Антон. – Почему я не знаю?

– Да возле офиса привязалась, погадать хотела, а в глаза заглянула – шарахнулась как от прокаженной. Говорит – проклятье на мне. Сильное, на смерть. Кто рядом – умирать будет. Она не права, Тош? Права ведь. Во всём права. Что нам делать, братишка?

– Ну... для начала не отчаиваться. Лизон, ну-ка слёзы долой! Рыжим они не идут, сразу глаза краснеют. А если серьёзно... – Антон обнял сестру. – Надо для начала с мамой поговорить, может, она знает какую-нибудь страшную семейную тайну? Давай бабулю пока не будем беспокоить.

– Но ты согласен с тем, что надо что-то делать?

– Да. Надо как-то всю эту чертовщину остановить, а то и мне не по себе уже. Ну не верил я в проклятья, никогда не верил, наверное... вплоть до сегодняшнего дня.

– И я... – эхом отозвалась сестра. Да и как не поверить, когда череда случайностей укладывается в чёткую схему, не имеющую исключений.

5

Мальчик из последних сил брёл по незнакомому хмурому лесу. Он не сходил с хорошо утоптанной тропы, и она, по его разумению, уже должна была вывести куда-нибудь. Пусть не на пустошь, но ведь должна же вывести хоть к деревне, хоть к тракту. Но нет, вьётся себе по лесу, петляет меж деревьев, а впереди ни просвета. Лес и лес кругом, одинаковый и безликий.

Давно рассвело, но день против вчерашнего выдался сырым и зябким. Цеплялись за кроны деревьев клочья плотного, серого тумана, влажный, тяжёлый воздух глушил какие ни есть звуки. Тишина. И птиц что ли нет в этом лесу? Так бывает? Тихон остановился, тяжело опершись на костыль, замер, прислушиваясь настороженно.

Нет. Ни звука. Будто оглох в одночасье. Мальчик поёжился, попытался закатать промокише от росы штанины, но махнул рукой – был бы прок! Он всхлипнул, повёл плечами, покрутился на месте, раздумывая, что же ему делать дальше. Назад идти – уж больно далече, вперёд тоже не ясно, где она, тропка кончается. Посмотрел на хмурое небо, почти скрытое от глаз густой листвой. Как бы дождя не случилось... Это ж захворать недолго! И он снова двинулся в путь, помогая себе костылём. Только хромота сейчас чувствовалась намного ярче...

Уже срывалось дыхание, всхлипы рвались из груди, то и дело мальчик утирал слёзы. Невольные, постыдные для пачана слёзы беспомощности. И зачем его потянуло в этот лес?! Наслушался сказок! Взрослые парни Пустошь отыскать не могли, а тут он – маленький и хромой. Взялся большим ребятам смелость свою доказывать, да не сдюжил. А ну как сейчас из кустов выскочат, на смех его, зарёванного, подымут...

Кусты и, правда, подозрительно зашуршали. Хрустнула сухая ветка. Что-то большое, серое стремительно метнулось в сторону мальчишки, он замер как вкопанный и, подавившись криком, отступил назад. Шаг второй, третий... Запнулся, не смог удержаться на ногах, упал навзничь и вскинул руки к лицу, лишь бы не смотреть, не видеть тот ужас, что застыл в двух шагах от него. Волк. Крупный и мощный зверь, что ему справиться с калечным мальчуга-

ном? Тихон всё пытался протолкнуть в горло крик. Авось кто услышит, поспешит на помощь, но понимал где-то краем сознания – крик не поможет, хищник растерзает его в два счёта. Ох, не медлил бы, чего тянет?

– Ох, Леший, бес окаянный! – вдруг раздался совсем рядом живой человеческий голос. – Почто мальчонку напугал, супостат? – и уже к мальцу, – Не бойсь уже, хлопчик, Леший не обидит, он только пугать горазд. Да и то не со зла, играетя сорванец.

Мальчик, не веря своим ушам, поднял голову. Перед ним стояла женщина по возрасту как мама, с русой косой до пояса, в простой одежде. Не сельчанка, своих Тихон всех знал, да из соседних поселков люди захаживали, многих видел. Она не местная. Вернее... местная, уж больно к месту она здесь, в глухом лесу, в компании серого волка. Неужто баба Яга?! Глупое сердце стукнуло невпопад, зашлось, трусливое, от страха. Кто страшнее? Хищник с клыками в аришин или незнакомая женщина, такая непохожая на деревенских?

Тихон перевёл взгляд на волка. Тот... улыбался, распахнув клыкастую пасть и изо всех сил, совсем по-собачьи, виляя хвостом. И вовсе не аришинные у него клыки, с перепугу Тихону показалось, и сам он не такой огромный, с крупную собаку всего лишь, да и злым вовсе не выглядит, но мальчик нашарил в траве костыль, подтянул его к себе, перехватил поудобнее. Какое-никакое, но всё же оружие, с палкой в руках оно как-то надёжнее.

– А вы кто? – вымолвил мальчик, удивляясь тому, что снова может говорить.

– Я-то? – женщина усмехнулась. – Важно, кто ты. Идём, дождь собирается.

Мальчик с трудом поднялся, посмотрел на волка, затрусившего по лесной дорожке, с удивлением поднял на женщину глаза.

– Да, хромый он, – ответила на невысказанный вопрос она. – В капкан по зиме попал. Там я его и отыскала. Выходила, с рук выкормила. Ты не серчай на него, не злой он. Молодой да любопытный.

Тихону очень хотелось спросить, куда ведёт его женщина, да не отважился, шёл следом, доверившись, куда бы ни привела, всё не блуждать в одиночестве по лесу.

Пошёл дождь. Рубаха вмиг облепила тело, мальчишку трясло от холода. Зубы стучали, но он не жаловался, только раз остановился в изнеможении – отдышаться. Отёр рукавом лицо, засеменил дальше.

Женщина, не оборачиваясь, шла вперёд. Она будто забыла, что за ней, спотыкаясь, оскальзываясь по мокрой земле, спешит мальчишка. Она шла, не замедляя шага, будто и не мешали ей ветви, норовящие хлестнуть по лицу, будто не путались в мокрой траве босые ноги.

Тихон не попевал, он совсем обессилел, задышался, хрипел, тяжело опираясь на костыль и с усилием выдирая его из размокшей земли, но страшнее любого лиха – потерять

спутницу, остаться в страшном чужом лесу один на один с тишиной. И он брёл, вытаскивая из своего тщедушного тельца остатки сил, сцепив зубы так, что челюсть сводило, для слабого домашнего мальчика такая выдержка была сродни подвигу. Да что там, даже злосчастный поход в лес уже событие, достойное уважения. А зачем пошёл? Кто бы осудил его, кто посмел бы обвинить в трусости мальшиа, появившегося на свет с телесным недугом? Разве что, сам он... так стремившийся быть похожим на старших братьев. Слабенький? Да. Зато отважный! Дорого обоилась ему та отвага...

– Тихон! – обернулась женищина, будто внезапно вспомнив о нём. – Не отстал? Пришли почти, сейчас отдохнёшь.

Сил не осталось даже на радость, он, скорее злился на женищину, посулившую скорое окончание пути. Почему она так с ним? Помогла бы, да хоть шла бы потише, уж шибко размашистыми были её шаги. И не говорит ведь, куда ведёт его, знай себе шагает, издевается будто... Вот и имени своего он ей не называл, откуда знает?

Деревья расступились неожиданно. Вот лес стоял – пару шагов и... вырос прямо перед путниками лишённый растительности высоченный холм, даже не холм, гора скорее. Тихон охнул от неожиданности, тихонько заскулил, не понимая, куда и зачем привела его странная женищина. Деревни нет и в помине, даже намёка на близкое жильё нет! Мальчик озирался в растерянности, понимая, что завели

его невесть куда, а сил ну совсем не осталось. Хотелось сесть на землю и зареветь в голос. Сдержался.

– Где мы? – шепнул он, шумно втянув воздух. Тошнота подкатывала, боль в ноге становилась нестерпимой, кружилась голова.

– Вы, кажется, это место Вороньей пустошью называете, – усмехнулась спутница Тихона. – Ты разве не сюда стремился попасть?

– А?... – выдохнул мальчик. Он и забыл давно о цели своего похода. – Откуда вы знаете?

– Пошли уж... – улыбнулась она. – После поговорим.

Мальчик покорно кивнул, шагнул вперёд по тропинке, и земля ходуном заходила под ногами. Всё закружилось, сознание ухнуло в тёмную пропасть.

Посторонний звук, прокравишись в сон, нарушил тишину. Звук раздражал, во сне Тихон всё никак не мог найти его источник, никак не мог разобрать природу звука. Вроде писк, нет? Неужели мышь? Да не... Или собака скулит? Точно! Собака. Неужели дворовый Мишка в избу прокрался? И почему кровать такая жёсткая? Никак за столом на лавке заснул, уморился. А душно-то как, будто в бане, и запах незнакомый, пахнет травами скошенными, цветами и чем-то ещё, не разобрать... Тихон беспокойно заворочался на узкой скамье, застонал тихонько, вторя собаке, но не проснулся. Сон держал крепко, будто и не сон это – дурман, вязкий и тягучий – не пробить, не выбраться.

Тихон совсем было прекратил сопротивляться, но новый звук заставил насторожиться. Шаги. Лёгкие, невесомые. Тихий скрип половицы. И голос, чужой, но уже слышимый ранее.

– Ну вот..., скоро отпустит хворь поганая. Слышишь, Леший, проснётся вскорости наш малец, – и холодная ладонь опустила на пылающий лоб мальчика. – Сдюжит... Упрямый он, до жизни злой. А я уж и не чаяла...

Тихон с трудом разлепил потрескавшиеся губы.

– Где я? – голос был чужим, распухший язык едва ворочался во рту.

– В гостях у меня.

– Кто вы?

– Об этом после, повремени с любопытством. На-ка, отвару выпей, знаю, как худо тебе.

Не открывая глаз, мальчик попытался сесть, но смог лишь слегка приподняться на локте, жадно приложился губами к жестяной кружке, глотнул, ещё и ещё. Торопливо, жадно. Горький отвар стекал по подбородку на шею, и Тихон ликовал от нахлынувшего ощущения счастья. Живой! Живой!

Маленькая горница, блики света на бревенчатых стенах, печь, стол, крохотное, слепое оконце, низкая дверь и... мохнатая волчья голова, лезущая едва ли не в лицо. Тихон вскрикнул, шарахнулся в сторону и только теперь заметил женщину, что пошла его из кружки.

– Кто вы? – повторил мальчик свой вопрос. Собственный голос казался жалким до омерзения.

– Я-то? – усмехнулась она, приглаживая ладонью непослушные вихры Тихона. – Это так важно? Можешь называть меня так, как захочется. У меня давненько нет имени.

– Так бывает?

– Кому ж меня по имени звать? Лешему? Он зверь, говорить не обучен. А люди... Кто ведьмой кличет, кто знахаркой, кто травницей, а кто крестится да за забором хоронится. Мне всё едино.

– Мою бабушку Настасьей звали, можно, я так вас звать буду? – подумав, робко спросил мальчик.

– Отчего же нельзя? Добро... Зови Настасьей. Мы, милоч, теперь видеться часто будем.

– Почему?

– Ну как же... Раз Пустошь тебя пустила, признала знамо, стало быть, путь-дорожку сюда накрепко запомнишь. С закрытыми глазами в любую непогоду дойдёшь.

– Да куда мне? – стиснув ладони, совсем по-взрослому мрачно усмехнулся Тихон. – Я ж вон какой! Хожу еле-еле, хвораю всё время... Что-то напутала Пустошь!

– Эка ты! Она не ошибается. Святое это место, древними богами отмечено, заповедное оно. Раз вышло так, что добрался, не случай то, не ошибка, тебя она выбрала, малец, тебе груз предназначения нести.

– К-какой груз?

– То после. Не время сейчас. Ты вон похлёбку поешь, – поставив на стол деревянную миску, тепло улыбнулась женщина. – Тебе пока сил набираться надобно.

6

Внезапный стук в дверь напоминал камнепад в горах. Резкий, дробный, настойчивый. Так стучат, собирая толпу на пожар, как минимум, так стучится в дом беда. Лиза невольно бросила взгляд за окно, не видно ли плывущего над посёлком дыма? Нет. Яркий, безоблачный день, солнечные брызги сквозь колышущийся тюль весело скачут по подоконнику. Лиза потянула носом воздух. И дымом не пахнет. А что тогда? Надо идти открывать, Тошка в душе, вряд ли отзовется. С сожалением прикрыв крышку ноутбука, Лиза поднялась с пола, пошла к двери.

Стук повторился. В такт ему, будто предчувствуя что-то, бешено забилось сердце. Неужто правда беда? Лиза, подавив постыдное желание спрятаться, решительно щёлкнула задвижкой.

За дверью обнаружился сосед. Тот самый, что неделю назад помог Лизе добраться до дома. Надо же, а она благополучно успела забыть о его существовании.

– К вам Линка не забегала? – не поздоровавшись, выпалил мужчина. Выражение «на нём лица не было» явно придумали о соседе Лизы. Он был взвинчен до предела. Лицо серое, взгляд растерянный, пальцы нервно теребят связку ключей.

– Что? – не поняла Лиза. Трудно переключиться с работы,

поглотившей её с головой, на полоумного соседа с какими-то Линками.

– Я говорю... Линка, не у вас? – теряя терпение, повторил он. – Полинка, дочка моя. Она... пропала.

– Как пропала?!

– Да как... – он едва не плакал от бессилия. – Крутилась возле бабушки, вроде на глазах всё время, а потом... нет её нигде. Пропала. Мы весь дом обшарили. Маме плохо. Не знаю, что делать. Соседка с ней, «скорую» вызвали...

– А жена? Куда она смотрела? – невольно вырвалось у Лизы.

– Какая к чёрту жена?! – всё-таки сорвался на крик он. Опомнился, потупился виновато, махнул рукой. – Ладно... Пойду искать.

Быстрым шагом сосед направился к калитке, Лиза задумалась на секунду, решила.

– Подождите! – окликнула она его. – Минутку подождите, я только обуюсь и с вами...

Он посмотрел с благодарностью, кивнул и замер, готовый сорваться с места. Нет, он не ждал, что эта хрупкая девушка всё решит за него и в две минуты найдёт пропажу, просто... вдвоём не так страшно. Присутствие рядом незнакомого человека заставляет собраться и худо-бедно держать себя в руках, Лиза как никто понимала это. Наверное, потому и предложила помощь.

Пока Лиза обувалась, в коридор вышел Антон.

– Ты куда?

– Да вот..., – в спешке Лиза никак не могла попасть ногой в кроссовок, – Девчонка соседская потерялась. Искать надо.

– Лиз, сегодня грозу передавали, да и парит на улице, может, дома останешься? Я поищу...

– Ой, да не могу я дома сидеть! – нервно отмахнулась Лиза, одолев-таки непокорную обувь. – Ребёнок потерялся, понимаешь?!

– Понимаю. – Антон подал сестре куртку от спортивного костюма, тоже взялся за кроссовки. – Тогда и я с тобой.

Лиза кивнула, подхватила ключи с тумбочки, дождалась Антона и выскочила за дверь к ожидавшему её мужчине.

Они даже не представились друг другу, не обменялись приветствиями, но носились втроём по посёлку, заглядывая в каждый двор:

– К вам девочка маленькая не забегала? Беленькая такая, с косичками... Полиной зовут. Нет? Ну ладно... – и переходили к следующему дому.

Возле одной калитки Лиза замерла и, будто прислушиваясь к чему-то, шепнула:

– Лес... В лесу её искать надо...

– С чего ты взяла? – растерялся отец девочки. – Не пошла бы Линка одна в лес. Она послушная, а я строго-настрога запретил.

– Не одна... – медленно покачала головой Лиза. – Она была не одна. С ней ещё двое. Девочки. Обе чуть старше...

– Ты видела? Почему сразу не сказала?

Лиза проигнорировала его вопросы, ровно, как и внезапный переход на «ты», повернулась на сто восемьдесят градусов, не раздумывая, двинулась к лесу, темневшему за посёлком.

– Просто поверь, – за сестру ответил Антон. – Идём. Она знает, что делает.

Две зарёванные девчушки спешили от леса им навстречу. Действительно постарше. По виду первоклассницы. Обе растерянные, испуганные.

– Зачем вы завели её в лес?! – подскочила к ним Лиза, схватила обеих за шкирки, слегка встряхнула.

Те заревели в голос – не унять.

– Мы не хотееелиии...

– В прятки играли, а она... Нас искала... А потом мы её!

...

– Понятно. – Лиза выпустила девчат. – А ну, брысь по домам! И к лесу больше ни на шаг!

Девчонки яркими бабочками сорвались с места, Лиза, забыв о них, поспешила к лесу.

Она знала, насколько коварен и опасен с виду прозрачный сосновый бор. Чуть зайдёшь вглубь – теряются все ориентиры, кругом сосны, сосны безликие и одинаковые будто близнецы – одна и та же картина на многие километры. Девушка, хоть и любила лес, никогда не ходила сюда, разве что по опушке гуляла после того, как однажды, классе в седь-

мом подобная прогулка едва не обернулась трагедией. Полдня Лиза с подругой Риткой проплутали, но тогда всё-таки удалось выбраться, в тот момент, когда Лиза совсем было отчаялась, как будто появился кто-то рядом – уверенный и надёжный – не позволил поддаться панике. Всю дорогу Лизе казалось, что её ведут за руку, а вышли на опушку и сгнуло чужое влияние, лишь лёгкий ветерок растрепал волосы на макушке, пожурил будто дитя неразумное...

А сейчас в лесу девочка маленькая заблудилась. Господи, да где же искать её, малышку, в этом жутком, клонированном лесу?!

Страшно идти, но деваться некуда, жизнь ребёнка куда важнее личных фобий и страхов, вздохнув, Лиза смело шагнула под сень деревьев.

– Надо разделиться! – безапелляционно заявила она. Как-то вышло, что командование спасательной операцией Лиза взяла на себя, мужчины лишь соглашались, но тут Антон возразил.

– Лиз, это неправильно. Ходить в одиночку нерационально. И девочку не найдём, и сами растеряемся. К тому же... гроза...

– Грозы пока нет! – нетерпеливо возразила Лиза. – И будет ли – неизвестно. А ходить всей толпой, тоже резона нет, так мы её до зимы не отыщем.

– Может, МЧС вызвать? – внёс предложение отец Полины.

– Ну можно, конечно. Посидим, подождём, пока они явятся. Как вариант... Но я предлагаю, всё же начать самостоятельные поиски, МЧС подключим, если самим не удастся её найти. Короче... Я иду влево, Антон – вправо, а вы... не имею чести знать имени...

– Кирилл. Вьюжин Кирилл, – торопливо представился мужчина.

– Вы, Кирилл, идёте прямо, – и, не дожидаясь возражений, Лиза решительно пошла в сторону.

Лес обступил её со всех сторон. Величавый, благородный сосновый бор – такой чужой и равнодушный в своём величии. Что ему людские будни, он шумит себе кронами в вышине, будто парусами, скрипит стволами-мачтами, тянется к солнцу, ввысь, а хвойный ковёр под ногами заглушает все звуки, даже собственных шагов не слышит Лиза, от того становится ещё страшнее. Не заблудилась ли она? Скорее да, чем нет, вот уже не видать просвета между деревьями. Куда идти? Где искать девочку? Лиза кричит иногда, аукает, но пугается собственного голоса, заблудившегося между соснами, потому чужого, незнакомого. В ответ – тишина.

Лиза ускорила шаг. Может, если она будет идти быстрее, дурные мысли перестанут одолевать её? Ой ли, но передвигаться по лесу быстрым шагом оказалось куда сподручнее.

Женщина появилась перед ней неожиданно. То ли из-за дерева шагнула, то ли материализовалась прямо из воздуха. Просто возникла и всё, застыла вполоборота, вроде и не гля-

дя на Лизу..., а ведь Лиза не ощущала в лесу чьего-то присутствия.

Девушка ойкнула от неожиданности, затараторила:

– Ой, ну и напугали вы меня! Чуть сердце не остановилось! А я девочку ищу. Маленькую. Пяти лет. Полиной зовут. Не встречали? – и только теперь заметила, как странно выглядит незнакомка. Выбеленные длинные волосы, достающие до талии, синяя шапка с огромным помпоном, ярко-голубой лыжный костюм, горнолыжные ботинки, перчатки, пристёгнутые к рукавам куртки, на шее болтаются горнолыжные очки – и это в мае! А лицо!.. Неподвижное, неживое, словно у статуи в парке. Но какая же она красивая! Удивительно красивая. И... не живая.

Лиза застыла на месте, ощущая, как поднимается изнутри волна потустороннего ужаса, как стылый страх сжимает нутро, ползёт по позвоночнику, перебирая паучьими лапками, и нет сил ни на крик, ни на движение. Шаг, всего лишь шаг, и ужас развеется, отпустит, обратившись в лёгкую дымку, Лиза поймёт, что воображение играет с ней в странные игры, но сделать этот шаг, всё равно, что подвиг совершить. Нет, не мираж это вовсе и не фантазия, это гостя из потустороннего мира, одна из тех, других, что одолевают Лизу во время грозы.

Девушка задрала голову, там, в вышине, сквозь тёмные сосновые кроны просматривается клочок ослепительно-голубого неба. Гроза даже и не собирается, так откуда же? По-

чему? Они же приходят только в грозу... И ещё одно... Раньше, те, кто приходит в грозу, не были так реальны. Призраки. Другого слова не подберёшь. Смутные очертания, контуры, фигуры, отдалённо напоминающие человеческие, с трудом узнаваемые лица. Они не разговаривали, лишь смотрели печально, посылая Лизе коротенькие обрывочные видения – предостережения. Но не теперь. Этот призрак казался вполне себе реальным, недаром Лиза приняла его за живого человека. Так что же изменилось? И грозы нет, и призрак такой, что... кажется поздороваться за руку можно. Лиза ужаснулась. Сколько же их, неотличимых от людей встречалось ей раньше? Вот так, просто, на улице. И снова возник вопрос: дар или проклятье? Всю свою жизнь Лиза тщетно пыталась найти на него ответ.

Женщина улыбнулась ей, покачала головой, успокаивая, поманила за собой. И страх почему-то отступил. Пропал, будто и не было, на его место пришла уверенность в том, что сейчас просто необходимо делать так, как призрак велит. Лиза кивнула и поняла, что вполне способна идти, даже бежать. Ей пришлось не просто бежать – нестись, не разбирая дороги, она сообразила, что призрак хочет от неё. Он ведёт её к Линке, а раз торопится, значит с девочкой худо, но жива малышка, жива! Иначе бы и спешить не стоило, и не торопил бы её странный призрак.

Лиза бежала, ног под собой не чуя. Сердце билось в рёбра, воздуха не хватало, казалось, вот ещё шаг, ещё один, и

упадёт, подняться не сможет, но ноги сами несли её вперёд, страх за девочку не давал отдышаться. Она не смогла остановиться, когда женщина в лыжном костюме, повернувшись к ней, в предостерегающем жесте вскинула вверх руки.

Земля вырвалась из-под ног, ноги ухнули в пустоту. Лиза завизжала, скатываясь вниз с обрыва, успела подумать, что призрак просто-напросто заманил её в ловушку, но падение закончилось почти сразу, подошвы кроссовок врезались во что-то твёрдое, за шиворот посыпался песок и хвоинки...

Лиза не сразу открыла глаза, сидела, зажмурившись, пытаясь унять бешеный стук сердца, а открыла – и чуть не закричала снова. Под ногами распростёрся глубокий овраг, куда она слетела бы, не наткнись случайно на торчащие из земли сосновые корни. Она оказалась на уступе, шириной не больше метра, край оврага над головой... до него разве что кончиками пальцев дотянуться, если на мысочки встанешь, где уж выбраться, а слева...

– Привет! – раздался совсем рядом дрожащий детский голосок.

Лиза с трудом повернула голову. Из уступа, спасшего Лизе жизнь, бог весть каким образом, выросла кривая сосна, ствол её будто парил над оврагом, а на стволе, обхватив его руками и свесив ноги по обе стороны, лежала девочка. Замызганное платье, порванное в нескольких местах, чумазая мордашка с грязными дорожками от слёз на щеках, кровоточащие ссадины на руках и коленях, растрёпанные светлые

ВОЛОСЫ...

– Полина? – глупый вопрос, конечно, другие девочки вроде в лесу не потерялись, но от пережитого ужаса, сорвалось с языка первое, что в голову пришло.

– Да. Я Полина Вьюжина, – обстоятельно кивнула девочка, с любопытством разглядывая Лизу. – А ты кто?

– Лиза. Лиза Кузнецова.

– Я тебя знаю. Твоя машина сломалась на дороге. Папа помог...

– Точно! – порадовалась Лиза наблюдательности девочки. – Мы искали тебя. Я, кажется, нашла.

– И попалась, как и я, – вздохнув, заключила малышка.

– Ну ничего... – Лиза пыталась держаться, вымучила одобряющую улыбку, подмигнула, – Зато вместе веселее.

Девочка фыркнула. Лизе показалось, что она видит её насквозь – все её страхи, сомнения, трясущиеся губы. И ещё... Малышка не боялась. Совсем. Лиза боялась. Пыталась скрывать страх, но он царапал душу лютым зверем, терзал безжалостно, а Полина не боялась вовсе.

– Не упадёшь?

– Нет. – Полина ответила уверенно, не задумываясь. – Я косу распустила, лентой себя привязала к стволу.

– И как сообразила-то?! – восхитилась Лиза её находчивости.

– Мне... – девочка тяжело вздохнула, помедлила – ... подсказали.

– Кто?!

Женщина в голубом лыжном костюме присела на уступ между Лизой и Полей, её губы тронула улыбка, полная боли и страдания. Полина кивнула на неё:

– Она!

– Ты тоже её видишь?! – поразилась Лиза.

– Да. Раньше не видела, и потом не увижу, а сегодня... Я испугалась, очень, но мама...

– Постой... Полинка, это мама твоя, да? Она... умерла?

– Я не знаю... – девочка всхлипнула, отважилась отцепить руку от ствола, быстро смахнула слёзы с глаз и потянулась ладошкой к матери. – Она уехала от нас, когда я маленькая была. С новым мужем во Францию. Я почти не помню... – лёгкая тень пробежала по детскому личику, что она могла означать?

Женщина грустно улыбнулась, тоже потянулась к девочке рукой, но не дотронулась, призрачные пальцы будто в стекло упёрлись. Она медленно обернулась к Лизе, поймала её взгляд.

«Надо выбираться отсюда», – прозвучал в Лизиной голове чужой, шелестящий голос. – «Лиза, ты слышишь меня? Скоро гроза».

– Но как?! – в отчаянии воскликнула Лиза. – Я тут ни лифта, ни лестницы не наблюдаю!

«Думай!» – будто камыш на ветру прошелестел голос. – «Спаси мою дочь!»

Лиза со стоном закусила губу. Что же делать? Что? Она и сама прекрасно понимала, что помощь вряд ли подоспеет до грозы, хоть и ясное небо пока ещё, но Лиза всегда предчувствовала приближение непогоды. А если помощь не успеет... Да... Придётся ей сражаться с призраками в одиночку, сидя на узком выступе прямо над глубоким обрывом. И ладно бы, будь она одна, но ответственность за ребёнка не давала сидеть без дела. Надо выбираться. Как? Не на то ли разум человеку дан, чтобы думать?

Лиза потихоньку начала двигаться к девочке, призрак исчез, словно и не было. И, будто подбадривая Лизу, отвлекая её от дурных мыслей, заговорила Полина.

– Мама не любила меня. Никогда не любила, – доверчиво поведала она, вздохнула тяжело, опустила глаза.

– Как так? – вжимаясь в земляную стену и потихоньку продвигаясь к дереву, усомнилась Лиза. – Так не бывает. Мамы всегда любят своих детей.

– Нет. – Полина упрямо тряхнула головой. – Я знаю. Моя мама любила себя.

– Это папа тебе рассказал? – не удержалась от колкой реплики Лиза. Ребёнок, к сожалению, очень часто становится разменной монетой в сложных отношениях родителей.

– Не папа. Мы не говорим с ним о ней. Я его жалею... А что не любила... я сама знаю. Папа называл маму Снежной королевой и любил. Очень любил. А она... – девочка снова тяжело вздохнула, задумчиво посмотрела вдаль, старательно

принялась отколупывать ногтями чешуйку сосновой коры. – Она только ругалась. Всегда. Меня ругала, папу, бабушку... Особенно папе доставалось. Он добрый и смешной, его все любят, а она... И мне доставалось. Я не обижалась, я ждала, когда мама меня полюбит. Я старалась быть хорошей дочерью, но у меня никак не получалось...

– Линка, ну что ты? Может и ругала, но это не значит, что не любила. Я с братом тоже ругаюсь иногда, и мама нас, уже взрослых, ругает, когда мы набедокурим, но это вовсе не означает, что мы друг друга не любим.

Лиза выдохнула. Ну вот, первый отрезок пути пройден, до дерева добралась. Дальше...

– Полин, ну ка отвязывайся и садись спиной к обрыву, чтобы я могла подобраться к тебе.

Девочка принялась теребить узел руками, но видно со страху затянула его так, что развязать теперь не представлялось возможным.

– Лиза! Не получается! – девочка едва не плакала.

– Тише, Линочка, тише... – Лиза протянула руку, погладила её по худенькой, вздрагивающей спине. – Сейчас я попробую подобраться... Ты не переживай, мы справимся.

Как она извернулась, как развязывала узел – потом и не вспомнит, там и держаться-то не за что было, но справилась, распустила ленту, откинулась в изнеможении к склону, прикрыла глаза.

«Поторопись!» – снова раздался в голове уже знакомый

голос. Только теперь он наполнился мощью, стал требовательным, властным.

Лиза открыла глаза, повернулась к Полине.

– Полин, давай, прижимайся к склону, не бойся, держись ногами, как за лошадку.

Девочка серьёзно кивнула, завозилась, приподнялась, упираясь ручонками в кривой ствол дерева. Она трусилась, видно было, как кусает губы и изо всех своих силёнок держится, старается не плакать и – главное – не смотреть вниз. Вот выпрямилась, замерла, едва касаясь пальчиками шершавой коры.

– Готова?

– Да.

– Теперь моя очередь. Я сегодня Бэтман! – попыталась пошутить Лиза, но девочка лишь взглянула на неё с укоризной. Бэтман на экране телека хорош, а вот в реальной жизни, когда от страха леденеет внутри, в помощь Бэтмана как-то совсем не верится.

Медленно, очень медленно Лиза повернулась, уцепилась рукой за дерево и тоже оседлала его, оказавшись с девочкой лицом к лицу.

– Ты сиди, Полинка, ничего не бойся, – как мантру приговаривала она, – Мы справимся. Я опору поищу, и будем с тобой выбираться...

Опора нашлась. Торчащий из земли крепкий корень, но как же он далеко! Лиза тянулась изо всех сил, завтра, если

выберутся, конечно, все мышцы будут болеть и жаловаться, но сейчас лишь бы достать... Вот уцепилась. Намертво! Силой не оторвёшь! Начала подниматься. Встала на ноги, случайно посмотрела вниз и чуть не сорвалась, так голова закружилась. Ноги стали ватными, от нахлынувшего ужаса чуть не сорвался крик... Лиза вовремя вспомнила, что не одна здесь, и не может подвести ребёнка, поверившего в неё. С горем пополам, удалось взять себя в руки.

– Полин. Теперь твоя очередь, – едва слышно шепнула она. Голос дрожал, но Лиза сумела даже улыбнуться. Впрочем, улыбка выглядела скорее жалкой, чем ободряющей.

– Что делать?

– Поднимайся на ноги, держась за меня.

– Ой!... – взвизгнула девочка, замотав головой. – Я боюсь!

– Я тоже боюсь, но пойми, малыш, так надо. Ты не смотри вниз, смотри только на меня, договорились?

Полина, не ответив, уцепилась за Лизу, поставила одну ногу на ствол, перехватила руками повыше, поставила вторую, застыла, крепко прижавшись к Лизе, обхватив её ручонками.

Лиза свободной рукой взяла её за руку, начала потихоньку разворачивать лицом к склону, положила детскую ладошку на корень.

– Держись!

– Держусь!

– Молодец. Ты просто умница. А теперь... я согну колени,

а ты ножки мне на колени ставь, а руками вон за тот корень цепляйся... видишь? Над головой у тебя.

– Вижу. Я попробую...

У Полины никак не получалось поставить ноги на Лизины колени, она едва не плакала с досады, потом догадалась, вжалась плечами и щекой в склон, установила одну ногу, потом вторую... Лиза не могла ей в этом помочь, она одной рукой держалась, второй держала малышку.

– Вот умница... – похвалила она, когда девочка справилась с поставленной задачей. – Смотри, ты почти уже выбралась, чуть-чуть осталось. Я сейчас отцеплю твою ногу, поставлю её на корешок, а ты приподнимешься над краем, и ищи опору наощупь. Корешок какой или пучок травы.

Когда девочка нащупала опору и уцепилась накрепко, Лизе оставалось только подтолкнуть её вверх и вперёд. Всё. Полина спасена. Теперь самой бы выбраться...

Один корешок, второй... когда ответственность за малышку свалилась с плеч, стало легче, Лиза поверила, что легко выберется, и уже выбралась... почти. Вот только никак не могла нащупать опору на твёрдой земле. Искать приходилось вслепую. А где-то совсем рядом уже ворчал, перекатывался по лесу гром. Лес потемнел, застыл в ожидании грозы как на фотографическом снимке. Только бы успеть, только бы гроза не застала её зависшей над обрывом!

Детская ладошка взяла Лизину ладонь, шарившую по слежавшейся хвое, утвердила на торчащем из земли корне. Вот

спасибо, Поинка! Лиза оттолкнулась, подтянувшись на руке, приподнялась над краем обрыва, и тут соскользнула с корешка нога. Девушка коротко вскрикнула, прижалась к краю обрыва, зашарила ногами, потерявшими опору, по склону... Детская ручонка вцепилась в ремень её джинсов, это подстегнуло.

– Линка, отцепись! – зарычала она.

– Нет!

– Упадёшь, дурёха!

– Не упаду. Я держусь...

Лиза нащупала ногой корешок, оттолкнулась от него и, не без помощи Полины, продолжавшей тянуть её вверх, выбралась по поясу. Дальше уже не страшно, дальше она справится...

Они долго не могли собраться с силами и двинуться в путь, сидели, обнявшись, под сосной, и обе ревели в голос. Когда отступил страх, можно дать волю чувствам, выпустить эмоции гулять по притихшему лесу.

– Холодно... – зябко повела плечами Полина, – Может, пойдём? У меня даже нос замёрз... Потрогай, какой холодный...

– Да, – опомнилась Лиза, стягивая с себя куртку и закутывая в неё девочку. – Конечно. Надо спешить...

И, будто решив посмеяться над ними, молния расколола лес надвое. Раскатисто захохотал гром, Лиза с Полиной подскочили от неожиданности, Полина вскрикнула, Лиза стис-

нула зубы и едва не застонала от бессилия. Начинается...

Но нет, сегодня тени не обступили её, лишь один призрак лёгкой тенью скользил по лесной тропинке рядом с путниками. Мать Полины. Женщина в лыжном костюме.

«Поговори со мной» – шепнула она отголоском грома.

– О чём? – буркнула Лиза. Её она не боялась совсем, понимала – за спасение Полинки призрак благодарен ей.

«О них. О тех, кто приходит к тебе»

– А то ты не знаешь, кто они! – Девушка не была настроена болтать с призраком. С дороги бы не сбиться.

«Не собьёшься. Я выведу тебя»

– Вот спасибо! А то я сама не справлюсь!

«Почему ты боишься их? Это твой дар, это твои родичи.

Те, кто стоит за проклятьем».

– За проклятьем? – Лиза насторожилась, бросила быстрый взгляд на наострившую ушки Полину. Та не слышала мать, не видела её больше, но понимала, с кем говорит Лиза, и не вмешивалась. – Ну-ка, о проклятье поподробнее...

«Это родич сделал. Тот, кого называют хранителем».

– Кто это?

«Не могу знать. В Пограничье его нет. Но проклятье есть. И будет. Весь род он проклял по недомыслию».

– Что за проклятье такое? И, самое главное, как от него избавиться?

«Не могу знать. Слова. Просто слова, обращенные к древним богам. Им под силу. А нам нет».

– Не понимаю тебя. Объясни толком! – сердилась Лиза. Ну не призрак, а «Что, Где, Когда?», выездная серия игр. Нет бы объяснить толком, разложить по полочкам, ведь ей ну ничегошеньки не понятно!

«Древние боги ставили печать на проклятье, жертву приняли. Жертву! Живого человека, понимаешь?! Как отменить проклятье, я не знаю. Сильное проклятье, необычное и... на крови оно».

– И как мне теперь жить с этим?

«Я не знаю, но те мужчины, за кого замуж соберёшься, умирать будут».

– Хватит уже. Отсобиралась я замуж, не хочу больше. И ничего нового, кстати, ты не сказала. О проклятье я сама догадалась.

«Отсобиралась? Да нет... Лиза. Он – твоя судьба. Ты – его. И вместе вам нельзя, и врозь не сможете. А проклятье твоё его погубит... Я боюсь за него...»

– Да о ком ты? Что за бред?! Нет у меня никого!

«Это Кирилл».

– Что?! Твой бывший муж?! – Лиза в бешенстве почти бежала вперёд, забыв, что крепко держит за руку Полинку. Та, хоть и бежала за ней из последних сил, напоминать о себе не решалась, усиленно прислушивалась к разговору, старалась понять. Хотя, что можно понять, слыша только часть оживлённого диалога. А Лиза почти рычала. Будь призрак осязаемым, ударила бы. – Ты издеваешься, да? Я едва знаю его!

«Этого уже достаточно».

– Хватит! Я не хочу об этом говорить, расскажи лучше... что с тобой приключилось?

В голове будто видеоролик включился. Лиза увидела заснеженный горнолыжный склон, подъёмник чуть в стороне, дальше, в долине – деревня: курортные домики, отдельные для каждой семьи или компании. Не Россия. Лиза никогда не была ни на одном из горнолыжных курортов, но с уверенностью могла сказать, что это не Россия.

На склоне двое. Мужчина и женщина. Женщина стоит, раскинув руки навстречу низкому зимнему солнцу, говорит что-то, глаза так и светятся, лучатся счастьем. Она необычайно красива, а он... Он будто не видит. Жёсткое лицо, колючий взгляд, желваки так и ходят – он еле сдерживает ненависть, прожигает тяжёлым взглядом её спину. Не так-то просто решиться, осуществить задуманное, но он решается. Вот она поворачивается, он вскидывает руки и толкает её. Намерено. Сильно. Чтобы наверняка. Теперь его лицо озаряется, он улыбается, провожая её падение удовлетворённым взглядом. Последнее, что она видит, это воздушный поцелуй – прощальная издёвка от самого близкого человека...

– Боже! Это муж, да? – ужаснулась Лиза.

Женщина горестно кивнула в ответ.

– За что он так?

«За квартиру. Кириллову квартиру. Мне она досталась по разводу... а я... вышла замуж не за того человека»

– И стоила она того, та квартира?

«Огромная. Расселённая коммуналка. Четыре комнаты, гостиная... плюс еще часть чердака выкупленная, переделанная под мансарду. Это, так сказать, родовое гнездо. Квартира ещё до войны предкам Кирилла принадлежала, потом поделили, тогда всё, что больше двух комнат, в коммуналки превращали, а потом... дед Кирилла очень простым человеком был. То ли генерал, то ли ещё кто, я не вдавалась, да и Кир не любил говорить о нём, так дед добился того, чтобы квартиру их семье вернули, часть чердака застолбил, такие хоромы царские отгрохал, мне, порой даже страшно становилось одной там находиться. Отец Кира, когда за границу умотал, все это богатство сыну оставил. А тому и не надо особо. Мы жили с ним там конечно, семья вроде, но и у матери его тоже квартира огромная. Правду говорят, рыбак рыбака... Оба из благородных и хорошо обеспеченных семей. Кирилл... балбес. Самый настоящий! Такие возможности перед ним открывались, такие связи имелись! А он... Ну да ладно, чего уж теперь...»

Знаешь, Лиз, а квартира та бешеных денег стоит. Тогда... Муж мне голову заморочил, наговорил, что Кир может опротестовать впоследствии мои права на квартиру в пользу дочери, я поверила. Знала, что Кирилл никогда так не поступит, но поверила. Дура... А муж... Уговорил меня дарственную на него написать... Вот и подписала. Смертный приговор себе...».

Мальчик торопливо хлебал похлёбку, демонстрируя хозяйке звериный аппетит, но думал большие не о еде, даже вкуса не ощущал, сотни вопросов готовы были сорваться с языка, но сдерживал своё нетерпение, боясь оскорбить хозяйку неуважением. Он лишь поглядывал исподлобья то на женщину, растиравшую в ступке какую-то душистую травку, то на волка, в нетерпении перебирающего лапами возле двери. Выйти хочет, призывно смотрит на хозяйку, а она и не видит будто, знай себе, орудует толкушкой, улыбаясь чему-то светло и радостно...

Вот поднялась, сняла с верёвки, натянутой возле печки пучок сухой травы, отделила стебелёк, бросила в ступку и лишь тогда обернулась к мальчику:

– Давай уж, пострел, спрашивай, ишь изъерзался, любопытный.

– Да я... – Тихон замялся. Нелегко ему вот так, запросто, задавать вопросы едва знакомому взрослому человеку, природная робость мешает. – Я спросить хотел... А вы всегда здесь живёте? То есть не в деревне, в лесу...

– Сейчас – да, – утвердительно кивнула женщина. – Мне двенадцать было, когда мы с бабушкой поселились здесь, до этого в твоей деревне жили.

– Да?! – Тихон не мог скрыть изумления. – А почему в лес ушли? – брякнул он и сжался, сообразив, что вопрос прозвучал слишком резко, даже нагло, ведь если подумать, вряд ли

они переселились в глушь по доброй воле.

– Тайны нет, – заверила его знахарка. – То тебе каждый расскажет. Да хоть отец твой. Ты слышал, наверное, как относятся в деревнях к таким как я?

– Да, – несмело кивнул мальчик, – только никогда понять не мог, почему так... Вы же зла не творите, помогаете только.

– От незнания. Людям свойственно бояться того, чего они объяснить не могут. Этот страх идёт со времён сотворения мира, он будет всегда. Такова, Тихон, человеческая природа. Вот почему в средние века ведьм сжигали на кострах, вот почему люди сторонятся тех, кто ведает, стараются лишний раз на глаза не показываться. С бедой, впрочем, не стыдятся обращаться.

Наши с бабушкой дом до сих пор деревенские стороной обходят, хотя остались от него угольки да печь прокопчённая... А тогда... Мне двенадцать было, да я и не знала ещё толком ничего, так... травки бабушке собирать помогала. Бегала в лес за травками, огородничала, вот только подружек у меня не было, не хотели девочки знаться со мной. – Она задумалась надолго, не припоминая, нет, тот день она помнила до мельчайших подробностей, одному объяснения подобрать не могла – жестокости человеческой. Оказалось, что о ней рассказывать всего тяжелее. – Вот по дороге из леса и наткнулась я на шайку парней постарше. И девчонка с ними была, с нашего же села, она и натравила. Они гнали

меня, закидывая камнями прямо к реке, смеялись... И забили бы насмерть, не пожалели бы, да вмешался сын кузнеца, отбил меня, на руках до дома донёс, и сам упал на пороге... ему тоже досталось.

– Сын кузнеца? – сопоставлял что-то мальчик.

– Да, отец твой. Если бы не он... А в ночь он же помог бабушке уложить меня на тележку, сам до леса довёз, дальше бабушка. Седьмицу она меня у богов отмаливала. Не у тех богов, кому в церкви молятся – настоящих. Древних богов, тех, от кого отвернулся народ, приняв чужую веру. Так и живу здесь с тех пор. Выхожу в деревню изредка, за продуктами и помощь людям оказать.

– Помощь?! Они же с вами так... поступили!

– Обижаться на них ровно что на глупых кутят, которые, заигравшись, укусить могут. Да если б я не помогала... Вот ты, Тихон. Тебе мама не говорила, как ты появился на свет?

– Нет. – Он неуверенно пожал плечами. Эка невидаль! Как все появляются, так и он появился, как ещё... не в капусте же его нашли!

– С моей помощью. Братишек твоих, даром что двойняшки, Маруся легко родила, с тобой иначе вышло. Не должен был ты появиться на свет, не было у тебя судьбы. Никакой. Я видела, знаю, о чём говорю. Это схватка была. Моя со смертью. Ту битву я с божьей помощью выиграла, ты всё-таки родился. А те, кто камнями меня закидывал без-

жалостно, тоже за помощью обращались, когда жизнь до края довела. Так вот скажи, Тихон, что важнее обида или жизнь человеческая? Я тебя на три года у богов отмолила, ровно столько ты должен был прожить, но нет. Тебе уже одиннадцать. А ведь я не ошибаюсь. Верно, появились у богов на тебя планы...

– Какие?

– То мне не ведомо... Одно скажу, мне снова пришлось бороться за твою жизнь. Два дня ты без памяти был.

– Да ну?! – Тихон неуклюже сполз с лавки. – Так мне пора... Меня ищут поди! Мамка с батей, братья... Ой! Ну и влетит же мне!

– Сядь! – голос был ни дать, ни взять металл зашипел при обжиге. Мальчишка не посмел ослушаться, опустился на скамью, замер, представляя, что творится сейчас в деревне. – Ты не для того дошёл сюда, чтобы сбежать, не дослушав, у нас много дел впереди.

– Да что же вы всё загадками? – в отчаянии воскликнул мальчик. – Я запутался!

– Ничего. Разберёшься со временем. Просто слушай меня, большего пока не потребуется. Я подняла тебя на ноги, но это ненадолго. У тебя два пути. Следуя первому, ты сейчас уйдёшь и никогда сюда не вернёшься, потому как судьбы у тебя как не было, так и нет. Ты просто умрёшь, никого, не удивив своим уходом. Ну а второй путь – это исполнить то, для чего, видно, тебя и привели сюда древние боги. Стало

быть, для того и сохраняли они твою жизнь.

– Что я должен сделать?

– Стать хранителем веры. Скоро закат, ты должен принять решение сейчас.

– Что я буду делать, если стану хранителем?

– То же, что и я – помогать людям, нести в себе древние знания.

– Стать... ведьмой? – охнул мальчик.

– Ну тогда уж ведьмаком, если пользоваться вашими словами, – засмеялась женщина. – Не хочешь?

– А я должен буду остаться здесь? С тобой?

– Нет. Это вовсе не обязательно. Будешь приходить в гости.

– И что же, тогда я не умру? – запнувшись, спросил Ти-хон.

– Нет. Думаю, нет. Лет до ста проживёшь.

– Тогда я согласен. Что надо делать?

Они вышли из дома. Мальчик охнул и присвистнул, не умея скрыть восхищения. Они находились на площадке шагов в сорок на тридцать пять, избушка знахарки примостилась на самом краю, а напротив, с другого края – величавый и могучий, древний как само мироздание стоял неохватный дуб. Над краем площадки полыхал закат. Казалось, солнце касается края холма, чуть – и растечётся по нему жидким золотом, затопив всю площадку целиком, и будет над золотым озерцом возвышаться могучий дуб. Зрелище, на-

полненное нереальной, запредельной торжественностью до краёв заполнило душу мальчика ликованием и восторгом, хотелось бежать, раскинув руки, навстречу солнцу и кричать, кричать во всю силу лёгких, отдавая свою судьбу во власть древних богов. Будто два мира – нынешний, так хорошо знакомый Тихону, и чужой, из самой глубины веков, соприкоснулись, зашептались о вечном, и частичкой их разговора, невольным слушателем и созерцателем является маленький мальчик, одиннадцати лет отроду.

– Видишь? – шепнула Настасья, обнимая мальчугана за плечи, – Боги принимают тебя, они желают говорить с тобой.

Тихон лишь кивнул. По щекам текли слёзы, он не чувствовал их.

Знахарка взяла его за руку, подвела к дубу, туда, где среди корней, торчащих из земли, лежал валун, такой же древний, как и дуб.

– Преклони колени, Тихон.

Мальчик повиновался.

– Выпей!

Он послушно протянул руку за глиняной флягой, глотнул тягучую, будто расплавленная смола, вязкую жидкость, закашлялся, зажмурившись, глотнул ещё раз.

– Молодец. Ты не сомневайся, Тиша, всё правильно ты делаешь, ибо нет у тебя иного пути. – Женщина ласково погладила мальчика по голове, забрала флягу, чиркнула по

доверчиво раскрытой ладошке острым ножом. Мальчик не почувствовал боли, протянул жрице вторую ладонь и заворожено наблюдал, как срываются алым бисером с ладони тяжёлые капли, как шлёпаются они на камень, как шипит древний валун, будто урчит довольным котом, принимая жертву. – Теперь клади ладони на камень и не отрывай, что бы ни происходило вокруг тебя.

– Как я узнаю, когда можно будет?

– Я подскажу. Верь мне.

Он кивнул, поднял голову, заметил, что все ветки дуба заняты зрителями – чёрные вороны застыли на ветвях в ожидании таинства. Они ждали, глядя на мальчика чёрными, мудрыми глазами. Чего? Жертвы? Или нового хозяина? Бог весть... последней мыслью Тихона была догадка, теперь-то он знал наверняка, почему пустошь люди прозвали вороньей...

... А дальше всё будто туманом заволокло. Тихон был здесь, а вроде и нет, вроде вовсе спал дома на лавке, а всё, что происходило вокруг, не иначе сном было. Ярким, реалистичным, в котором он, Тихон, играл роль второстепенную, являясь всего лишь наблюдателем.

Вокруг него бесновалась стихия. Откуда-то упали на гору чёрные тучи, поднялся шквальный ветер, косые струи дождя секли как беззащитного мальчишку, так и валун. Последний, нагретый за день солнцем, сердито шипел, неохотно отдавая тепло. Гул ветра заглушал все существующие

звуки, осталось лишь хлопанье сотен вороньих крыльев да сильный голос знахарки. Ветер будто обтекал её голос, давал ему развернуться и звучать, звучать, призывая высшие силы. Напуганный мальчик не мог различить ни слова, от нарастающего ужаса хотелось выть, а ещё лучше бежать, куда глаза глядят, куда угодно, лишь бы подальше от всей этой чертовщины. Он трусливо вжимал голову в плечи, ежился, но не смел даже шевельнуться, не то что отнять от камня саднящие ладони, вжимал их в гладкую поверхность валуна так, будто хотел расколоть его надвое.

Всё поплыло перед глазами, Тихон уже не видел, как потемнело вокруг, как сам собой зажегся фитилёк керосиновой лампы, стоявшей прямо за валуном, как стих ветер, и успокоились вороны. Как ослабел голос знахарки – грозный, зовущий, способный заглушить шум ветра – сменился едва различимым шёпотом.

– Ну всё, малыш, – легла на плечо тяжёлая ладонь, – Идём, милый, отдохнуть тебе надобно.

Солнечные лучики, забавляясь, трогали мальчишеское лицо, путались в ресницах, щекотали короткий прямой нос с россыпью мелких веснушек, гладили острые скулы, пересохишие губы, ласково касались полукружий синяков под закрытыми глазами. Вот – разбудили. Мальчишка сладко потянулся, до самого подбородка натянул на себя старое лоскутное одеяло, намереваясь ещё поспать, но сон уже прошёл, уступив место воспоминаниям.

Сон? Или явь? Могло ли с ним, маленьким и хилым, случиться такое чудо? Тихон и верил, и не верил, пока осторожно не провёл кончиками пальцев по тонким, едва схватившимся рубцам на обеих ладонях. Было. Не сон. Мальчик осторожно, придерживая одеяло, сел на лавке и, кажется, только тогда открыл глаза.

Всё та же избушка, всё тот же волк у входа, всё та же женщина суетится возле печи.

– Проснулся? – не глядя на мальчишку, спросила она. – Вот и хорошо, вот и ладно. Умойся в сенях, сейчас покормлю. И поговорить надо, многому ты теперь, Тихон, обучиться должен.

– А домой? Ты меня отпустишь?

– Так держу разве? Вот поговорим, и отправишься. Леший проводит. До самой околицы доведёт.

Тихон кивнул, охнул, сползая с лавки, сообразив, что голый, подхватил штаны, висевшие на верёвке, смущаясь и краснея, натянул их на себя и, не смея глаз поднять на хозяйку, выскочил в сени. Умывался долго со вкусом, но тянуть дальше было нельзя, утёрся, не найдя полотенце, собственной рубахой, шагнул к столу.

Рядом с миской, полной рассыпчатой картохи, сдобренной маслом и зелёным лучком, лежал его крестильный крестик. Мальчик, нахмурившись, посмотрел на хозяйку, та лишь фыркнула, небрежно смахнув крест со стола куда-то под лавку.

– Не нужен он тебе боле. – Сухо сказала она. – Не помощник. Держи.

На ладонь Тихона опустился странный предмет. Больше всего он напоминал квадрат, поставленный на ребро, внутри которого бился, расцветал живой огонь, выпуская наружу, за грани квадрата, острые лепестки пламени. Предмет был искусно вырезан из тёмного дерева, отполирован до блеска, и шло от него воистину необыкновенное тепло, будто внутри деревянного пламени жило и тихо теплилось пламя истинное.

– Что это? – поднял глаза мальчик.

– А сам как думаешь? – усмехнулась хозяйка. – Ты за стол садись, ложку бери, а я говорить стану. Это оберег, – дождавшись, когда мальчик усядется и подхватит ложку, продолжила она. – Ты знаешь, что такое оберег?

Тихон кивнул.

– Знаешь, да не совсем. Это символ бога-творца, покровительствующего кузнецам. Но не каждая поделка может стать оберегом, только выполненная с сильным охранным заклинанием. Так что носи, Тихон, не снимая, не расставайся с ним ни на минуту. Как человек, обладающий силой, ты должен знать, что любое изделие наделено собственной энергетикой. Светлой ли либо дурной – от творца зависит. А посему расскажу тебе самое важное, чтобы знал ты, откуда берутся проклятия, охранки и амулеты, лишь бы не навредил ты никому по незнанию.

– Я же не собираюсь... – сглотнув, попытался возразить Тихон. В голове так всё перемешалось, что он уж и понимать отказывался, не усваивал информацию.

– Соберёшься! – возразила знахарка. – Точно тебе говорю! Чуть окрепнешь – из кузни тебя никакой силой не вытащишь, а ведь знаешь, как просто выковать обычный нож, которым, кто ни возьми в руки – резаться будет. Так до беды не далеко, так что ты должен знать. Считай, что сегодня началось твоё обучение. Слушай и запоминай! Проклятия существуют разные. Есть сглаз. Это проклятие под силу даже человеку, силой не обладающему. Скажет что в определённое время – всё, привязалось. Тут даже матери младенцев по недомыслию сглаживают. Не со зла, сам, наверное, не раз сталкивался. Скажет мамка твоя, что не болел ты давненько, тут же болезнь привяжется, да такая, что мать с батенькой отойти от тебя боятся, не помер бы...

Тихон, соглашаясь, кивнул. Что было, то было.

– Сглаз он чем силён... От чужого человека, от глаза чёрного, всегда укрыться можно, своим ты всегда открыт, а значит беззащитен. Часто так бывает, Тишенька, ой как часто. А всё потому, что люди не понимают силу слов. Сказали и забыли, что слова... их ветер развеет, а ведь речь огромную силу имеет. Помни об этом, никогда не говори, не подумавши. Слово плюс посыл мысленный – сила страшная, неизученная, сколько смертей через сглаз обычный дадено...

– У нас на деревне тётка одна крикнула вслед мальчишке:

«Чтоб тебя черти забрали, окаянный!», он в тот же день потонул, – вспомнил Тихон. – Это сглаз, да?

– Да, мальчик. Ты всё правильно понимаешь. Готов дальше слушать? – и, после утвердительного кивка, продолжила, – следующий вид проклятия называется порчей. Это предметный вид. Накладывается так же, как охранка, на предмет в процессе работы. Как тот нож, о котором я говорила. Тоже вещь страшная, и так же может быть наложена по неведению самым обычным человеком. Никогда не замечал, что на базаре у одних торговля бойкая идёт, а у других вроде и вещи не хуже, может лучше даже, но их товары неохотно раскупают, сторонятся.

– Замечал.

– Это потому происходит, что у одного душа поёт, когда он работает, а другой – работу не любит, ругается, сквернословит. Вещи запоминают всё, в них будто часть души вкладываешь. А представь, Тиша, что будет, если человек, делая что-то вред другому замыслил? Смерти, например, пожелает. Или болезни злой... Обернётся всё тем же проклятием. Пока хозяин от вещи не избавится, донимать будет. Сложность тут в том, что неведомо, откуда напасти берутся, мало кто свяжет их с вполне безобидным предметом, невесть когда появившемся в доме. Но порча, как правило, проклятье адресное, то есть лишь одному человеку предназначено. Может на еду накладываться или на вещь, уже хранящую память о хозяине. А бывает, зло, хранящееся

в предмете, никуда не уходит, начинает искать всё новые и новые жертвы. Такой предмет в подарок можно получить, поселить в доме беду, не подозревая, откуда она. Редко, но случается и такое.

– Ты кушай, малец, кушай, – ласково и терпеливо улыбнулась женщина, растрепав светлые вихры мальчугана. – Что я говорю, само запомнится, ведь знание ты давеча получил, а я лишь напоминаю.

– Когда? Я... я не помню ничего! – испугался Тихон, подумав, что не справился и по-прежнему не имеет судьбы.

– Так и должно быть. Всему своё время, не торопи его. Готов слушать дальше?

– Да! – демонстрируя готовность, кивнул мальчик.

– Теперь о самом страшном из проклятий. Проклятье родовом.

– Я слышал о таком. – Тишка завертелся, заёрзал на лавке, так хотелось козырнуть своей осведомлённостью. – Это когда одни и те же несчастья преследуют целый род, повторяясь снова и снова. Верно?

– Да, верно. А берутся родовые проклятия откуда, известно тебе?

Мальчик растерянно улыбнулся, пожал плечами.

– Они не предметные, так?

– Так. И наложить подобное проклятье может лишь обладающий силой. Это не так просто сделать. Всё должно сойтись. Время, эмоции, желания. Можно, конечно, прово-

дить определённые ритуалы, многие помогают себе ими, создают условия, но не действия несут в себе разрушительную силу. Достаточно слова. Слова, сказанного в определённом состоянии в тот момент, когда человек практически не властен над собственными эмоциями. Кто-то работает в состоянии транса, кто-то ждёт определённого сосредоточения, кому-то достаточно вытолкнуть из себя эмоции. Запомни, Тихон, и никогда не допускай в своё сердце ненависть, злобу, зависть, ибо силой ты обладаешь невероятной, но опыта и знаний пока нет совсем. Знаешь, что происходит, когда родовое проклятие прилипнет к человеку?

– Что? – мальчика так и замер, не донеся ложку до рта, не моргая, смотрел на собеседницу, впитывал каждое слово.

– Оно, исполняясь от раза к разу, набирает силу, становится сильнее, обладает всё более разрушающими свойствами. Его практически невозможно опознать, а соответственно и снять тоже. Бывали случаи, проклятье исчезало само, когда уходил человек, наложивший его, но подобные случаи единичны. Так и живут люди, не в силах объяснить череды несчастий, мечутся, мучаются, а проклятье набирает силу. Случается, что истребляет проклятье род целый, даже памяти о нём не остаётся, а это страшно, Тихон, ибо человек должен оставлять след в этом мире, из судеб человеческих кружево мироздания плетётся...

– И что же, не снять его, родовой проклятье?

– Практически невозможно. Снять его может человек равный по силе, тот, кто способен понять породу проклятия, да и то, не каждый возьмётся. Так что, Тиша, словами не балуй, речь человеку не затем дадена, и желания свои никогда вслух не произноси.

– А это ещё почему? – не понял мальчик.

– Они имеют свойство сбываться. Но боги скушают, люди отвернулись от них, они, считай, что без работы, вот и забавляются, исполняя наши желания. Вот только исполняют они их совсем не так или не тогда, как того желает человек. Большую беду люди допустили, предав своих богов в угоду чужим желаниям, сами не понимают, что натворили, а отвергнутые боги обидчивы и очень непредсказуемы... Понимаешь, о чём я?

Мальчик кивнул неуверенно, облизал ложку, отставил в сторону опустевшую миску.

– Спасибо. И за еду, и за науку, и... наверное, за жизнь, так?

Женщина лишь улыбнулась в ответ, подозвала жестом волка.

– Леший, Тихона до дома проводи. И без глупостей, до самой околицы.

Волк закрутился волчком, показывая свою готовность, подпрыгнул по-кошачьи, оттолкнувшись сразу четырьмя лапами, и устремился к двери. Тихон повесил на шею оберег, накрыл его ладошкой, снова обернулся к знахарке.

– Я приду. Обязательно приду. До свидания! – и, с трудом переставляя ноги, пошёл к двери.

8

– Пап, ну что ты как маленький? – недовольно тянула Полина, исподлобья глядя на отца. – Ну давай уже, жми!

– Полюшка, может не надо, а? Ну неудобно... – мялся Кирилл перед закрытой дверью. Хотелось схватить дочь в охапку и умчаться куда подальше, но ведь заклюёт потом, с неё станется. – Я потом поблагодарю, при случае. Завтра. Или через неделю.

– Знаю я твои случаи! – безапелляционно заявила малолетняя шантажистка. Сложила руки на груди, требовательно топнула ножкой, обутой в жёлтую сандалетку. – А ну жми на звонок, говорю! Где твои манеры? – прищурилась она, повторяя явно чужие слова. – Ты просто обязан, папочка, пригласить Лизу к нам на ужин, она, всё-таки мне жизнь спасла.

– Ох уж эти современные детки! – с досадой проворчал Кирилл. – Где, пигалица, слов-то таких набралась?

– Где надо! – хмуро буркнула девочка, почесав заклеенную пластырем коленку. – Долго под дверью стоять будем? Ну же!

Кирилл вздохнул и, повинувшись мелкому вредному существу, вдавил кнопку звонка. Тренькнул, отрезая пути к отступлению, колокольчик за дверью, мужчина с девочкой замерли в ожидании. Она, еле сдерживая улыбку, он – леденея от страха. Казалось бы, давно пора изжить студенческие ком-

плексы, которыми, впрочем, в студенчестве, да и в школьные годы Кирилл не страдал, ну не съест же она его, взрослого мужчину с грузом нелёгкой семейной жизни за плечами, а он робел как мальчишка перед первым свиданием. Да и не свидание это вовсе, ответный жест на её поступок всего лишь. Обычный ужин и только.

Но вот открылась дверь, перед ним появилась смешная девчонка. Растрёпанная, с заспанным личиком, в спортивных брюках и широкой мужской футболке. Охнула, увидев гостей, подхватила приглаживать руками волосы, что-то залепетала, извиняясь за подобный вид.

Он смотрел на неё и слова вымолвить не мог – так укладывалась эта рыжеволосая девушка в его представления о семье и уюте. Он будто прозрел, успел даже увидеть мысленным взором большую гостиную, ковёр перед разожжённым камином, на нём двое – он и эта чудная девушка. Неизвестно, как долго стояли бы они, разглядывая друг дружку, если бы не мини-торнадо в лице Полины. Она вихрем ворвалась в дом, оттолкнулась на бегу и повисла у Лизы на шее.

– Вот стоит как дурак! И сам не идёт, и проход загородил, шлагбаум, блин! – ворчливо отчитывала она отца. – Самой всё делать приходится... Лиза, мы пришли пригласить вас с Антоном к нам на ужин.

– Линка! – радуясь тому, что дочь сходу решила сложный для него вопрос, строго оговорил её Кирилл. – Ну где ты этого понахваталась? Лиза решит, что ты невоспитанная, ма-

ленькая хрюша, а не леди пяти лет.

– Лиза не решит, если ты ей не скажешь, папочка. – Дразнясь, девочка высунула язык. Лиза, глядя на них, не удержалась, хихикнула.

– Вот такая она у меня, – будто извиняясь, развёл руками Кирилл. – Мартышка деловая. Все взрослые разговоры на лету подхватывает.

– Так и должно быть, – Лиза улыбнулась в ответ, – Развивается ребёнок, всё нормально. А я... всю ночь работала, вот, только проснулась...

– Мы разбудили?

– Да нет, сама.

– Вы, Лиза, герой. После вчерашнего вечера ещё и работать всю ночь!

– А что делать! Пришлось. Заказ срочный.

– Наверное... и сегодня заняты будете? – уточнил Кирилл.

– Нет, – улыбнулась Лиза. – Сегодня точно нет. Я закончила проект.

– Тогда приходите с Антоном к нам. Часов, скажем, в шесть.

– Хорошо. Скажу Тошке, чтоб не задерживался. Мы придём. И, Кирилл... мы, кажется, вчера на «ты» перешли, – смутившись, напомнила она.

– Да. Точно.

Кирилл, отчего-то тоже смутившись, кивнул, подхватил на руки Полинку, не оборачиваясь, зашагал к калитке. Обер-

нуться хотелось очень, но нельзя. Нельзя ему думать о Лизе, никак нельзя. У неё Антон, видно, что заботливый, оберегает её от малейшей неприятности, вот даже из-за грозы... Нельзя разбивать семью, нехорошо это, да и счастья не будет.

– Папа, ну папа! – трещала на руках Полинка. – А тебе понравилась Лиза? Да? Понравилась? А я видела, что понравилась. Она красивая! И добрая! Она никогда-никогда нас ругать не будет! Поженись на ней, папочка! Ну пожалуйста, поженись, а? – умоляюще сложила ладошки она.

– Вот ведь заноза! Линка! Прекрати совать нос во взрослые дела. Мала ещё отцу советы давать!

– Если не я, то кто тебя научит? – скептически сощурилась девочка. – Нет, папочка, ты меня слушай.

– Ну как цыганка, ей богу! – невольно рассмеялся Кирилл, – Даром что белобрысая.

Девочка притихла, явно замышляя что-то.

Лиза закрыла дверь за посетителями, случайно уронила взгляд на зеркало и со стоном топнула ногой. Ну что за вид?! Волосы торчат во все стороны, хоть ворон заселяй, им понравится гнездышко, лицо заспанное, одета непонятно во что... Ну ведьма! Не в плане магических способностей, а героиня сказок, та самая, кем детей пугают! И как только Полинка не испугалась?!

Девушка опустилась на пуфик, где её и застал Антон.

– Лизка, ты чего здесь? Что с тобой? И кто приходил?

– Приходили Кирилл с дочкой, со мной ничего особенно-

го, я просто злюсь. Злюсь, потому что страшная как атомная война! – выпалила Лиза, пнув ногой ни в чём не повинную вешалку. Вешалка сделала попытку завалиться, отомстив обидчице, но устояла, подхваченная Антоном. Лиза, схватившись за ушибленную ногу, тихонько заскулила.

– Так, давай снова. Что тебя вывело из равновесия, сестрица? Неужто визит Кирилла? – хитро подмигнул брат.

– Да нет... – Лиза поднялась, попыталась смыться от Антона в свою комнату, но он не позволил, поймал за подол футболки.

– Лиз, поговорим?

Девушка, всем своим видом показывая, как не хочется ей сейчас разговаривать, тем не менее изменила направление движения в сторону гостиной. Плюхнулась на диван, скрестила руки на груди, глянула на брата сердитым лешачонком.

– О чём говорить будем? – с вызовом поинтересовалась она.

– Зачем Кирилл приходил?

– На ужин нас с тобой приглашал. Ну типа, в знак благодарности.

– Согласилась?

– Ещё бы! Я на всё согласна была, лишь бы за дверь его выставить! – раздражённо фыркнула сестра.

Антон усмехнулся.

– С чего это? Мне казалось, он тебе понравился... Вы из леса ну такие загадочные вышли... Ливень, молнии сверка-

ют, а вы притихшие оба, задумчивые... Создалось впечатление, что на вас благодать мирская снизошла. Что там, в лесу произошло, расскажешь?

– Ничего! – засопела Лиза.

– Совсем ничего? А мне показалось, будто между вами воздух искрит. И гроза тут совсем не причём.

– Смеёшься?! – глаза Лизы горели негодованием, впрочем, не совсем искренним, показным скорее, для брата. Ну или для себя, как знать... – Я только-только жениха похоронила, как мне может понравиться кто-то?! Искрит, блин! Молнии это были, вот что!

– Долго траур носить будешь? – хмуро поинтересовался брат.

– Всегда! – пафосно ответила Лиза.

– О как! Неужто такая крепкая любовь была?

Лиза как-то неуверенно завозила на диване, будто пытаясь устроиться поудобнее, всеми силами избегая ответа на поставленный вопрос. Антон не стал настаивать, прошёл в кухню, соединённую с гостиной барной стойкой, достал из полки кофе, загрузил кофемашину. Пока он собирал завтрак, оба молчали, обдумывая заданную тему, но вот Антон вернулся, поставил на журнальный столик поднос с бутербродами и кофе, сел рядом с сестрой. Та всё ещё дулась. Демонстративно отодвинулась на край дивана, схватила бутерброд, повертела в руках, вздохнув, положила его на тарелку. Аппетит пропал, вид еды вызывал тошноту.

– Лиза, ты же понимаешь, что Тёмка... не для тебя он был, и семьи у вас так или иначе не получилось бы.

– Почему? – ворчливо буркнула Лиза.

– Он... да, он любил тебя, очень любил, но Тёмка тусовщиком был, его не интересовала семья в том понимании, как видишь её ты. Совместный быт, вечера у камина, пелёнки-распашонки – это не для него. Его привлекала жизнь яркая, динамичная. Новые люди, новые места, ночные клубы, казино, безумные походы с палатками прочь от цивилизации, покорение небывалых высот – в этом весь он. Тёмка бы взвыл от тоски, прочно связанный семейными узами. А ещё вернее, взвыла бы ты, поскольку Тёмыч вряд ли бы изменил своим привычкам. Они важнее любви. Они – почти вся его жизнь. И сидела бы ты, вся из себя верная жена, дома, а он развлекался, всё больше отдаляясь от тебя. Его всю жизнь из крайности в крайность швыряло, и я больше чем уверен, женитьба – одна из них. Это то, чего в его бурной жизни ещё не случилось. Переступил бы через тебя, наигравшись в семью, и не заметил.

– Безрадостную картинку ты нарисовал, – хмыкнула Лиза, тем не менее, заинтересовавшись. – Но почему ты не говорил мне этого раньше, когда мы с Артёмом отношения решили зарегистрировать?

– Не говорил, или ты слушать ничего не хотела? – уточнил Антон.

Лиза обиженно засопела. Говорил, она помнит, не раз пы-

тался брат заговаривать с ней на эту тему, и решение пожениваться не одобрял категорически, хоть и был ему Тёма лучшим другом. А она... Она очень хотела замуж. За Тёмку. Её привлекала и очаровывала его непосредственность, живость, его отношение к жизни, такое, будто живёт он вечно. Парень, казалось, парил над землёй, не касаясь её, ни разу Лиза не видела его хоть чуточку расстроенным, из него жизнь будто была ключом. Что ни день – извержение вулкана, праздник с фейерверком и конфетти. Яркая, незаурядная личность – Тёмка притягивал к себе людей будто магнитом, вот и Лиза, устав от серых будней, кинулась в отношения с ним будто в омут, думала, он сможет раскрасить заодно и её скучную жизнь, да как-то не получалось. Парень действительно любил её, но менять образ жизни не хотел. Таскал подругу по вечеринкам, в походы, так тяготившие Лизу, а она всё старалась улизнуть в свой крошечный мирок, в гостиную к камину – в тихую, размеренную жизнь, где вечеринки – по случаю, не чаще, походы – самое дальнее к реке на шашлыки, она и замуж-то согласилась в надежде на то, что совместная жизнь остепенит неуёмного Тёмку. А любила ли? Скорее ослеплена была... Как жаль, что осознала это Лиза только сейчас... Откажи она Тёме – он бы жил, порхал бы по жизни яркой бабочкой и горя не знал, но проклятье никого не щадит, и опрометчивое Лизино согласие стоило парню жизни.

– Я и ему говорил, что вы не пара. Он тоже не слушал. А Кирилл...

– Что Кирилл? – будто невзначай бросила Лиза, снова схватив с тарелки бутерброд. – Он такой же, как Тёмка. Балабол!

– Не скажи, Лизон. Кирилл совсем другой. На тусовку? С радостью! Памперсы ребёнку менять? Ни разу не вопрос. Валяться у камина на ковре? Без проблем! Лишь бы рядом любимая женщина была.

– Вот ты, психолог фигов, когда успел всё это разглядеть?

– А когда вы из леса вышли. Он, между прочим, глаз от тебя отвести не мог! Ливень такой, а он будто и не замечает... Да за такой взгляд родину продать не жалко, любая бы растаяла...

– Тош, не надо! – Лиза рывком поднялась с дивана, опрокинув на себя недопитый кофе. – Блин! Да что же это?

– Обычное дело! – хохотнул Антон. – Кофе пролила.

– Так говоришь, будто сестрица у тебя корова неуклюжая!

– Не обижайся, Лизунь, ничего страшного не произошло, отстирается. Да и, в конце концов, не вечернее платье залила.

– Ну тебя! И вообще, Антон... я приняла серьёзное решение. Больше в моей жизни мужчин не будет. Никогда! Ясно тебе?

– Отчего же, сестрёнка? – растерянно заморгал Антон.

– Я так понимаю, деду Тихону спасибо надо сказать, за подарочек его... вольный ли, невольный – не знаю. Проклятье это... Не хочу я, Тошка, становиться серийной убийцей.

Знать бы раньше, Тёмка бы жив остался.

– Боже, Лиз, ну что за глупости?! – Антон схватился за голову. Никогда он не мог понять, что творится в голове у сестры. Вроде и знал её очень хорошо, но порой её умозаключения выбивали из колеи. Вот только-только она переживала о том, что выглядела непрезентабельно, встречая незваных гостей, и на тебе! Выдала! – Ну сама подумай, так и будешь всю жизнь затворницей жить?!

Ответить Лиза не успела, раздался звонок в дверь. Настойчивый, резкий – так мог рваться в гости лишь один человек. Лучшая подруга Рита.

И точно. Ворвалась ураганом, едва Антон открыл дверь, поздоровалась с ним на ходу, по-хозяйски ввалилась в гостиную.

– О, приветик! Смотрю, я вовремя! Кофеёк, бутербродики... Лизка, ты мой визит предвидела?

– Как обычно! – хмуро отшутилась Лиза. – Давай, падай на диван, я сейчас кофе тебе сварю. Да колбаски нарежу, вижу, что голодная. Впрочем, это не новость...

– Девчата, оставляю вас в одиночестве, – заглянул в гостиную Антон, – вынужден откланяться, дела ждут. А с тобой, сестра, разговор не закончен. Продолжим при случае.

– Ну как всегда, – тихо проворчала Рита, проводив его задумчивым взглядом.

– Антон, не забудь, мы приглашены на ужин, – напомнила Лиза. – В шесть. Не опаздывай. Без тебя я никуда не пойду,

так и знай.

– Помню. Буду, – заверил Антон и исчез, хлопнув дверью.

– К кому? Куда? – тут же заинтересовалась Рита. – Почему я не знаю?

– К соседям. Ой, Ритка, тут у нас такие приключения! Закачаешься!

Рита Самарина – лучшая и, пожалуй, единственная подруга Лизы девушкой была колоритной. Высокая, чуть полноватая, с чёрными, как смоль, вьющимися волосами, отросшими почти до колен, с чёрными, будто самая тёмная ночь глазищами. Знакомы девушки были с детства, с пятого класса, однако дружба, как это частенько бывает, началась с вражды.

Лиза была новенькой. Только переехали в августе, пока с документами протянулось, и первое сентября в новой школе случилось в Лизиной жизни только пятого числа. Было бы куда проще, явись она как все, на школьную линейку с ворохом цветов, в тот день, когда до появившейся в классе новенькой девочки никому нет дела. Все бы дружно делились впечатлениями о проведённом лете, болтали, радуясь встрече, и Лизе удалось бы остаться в тени, усесться где-нибудь на последней парте, не привлекая лишнего внимания, затеряться. А там, глядишь, и влилась бы в класс. Постепенно. Случилось иначе.

Она входила в класс как на поле боя, уже настраиваясь на пристальное внимание окружающих. Так и случилось. На первой же перемене одноклассники окружили девочку, за-

сыпали вопросами, на которые Лиза не успевала отвечать, кто-то из мальчишек дёрнул за рыжий хвостик, так, что развязалась ленточка. Мальчик, правда, тут же огрѐб учебником по голове – кто-то из девочек проявил солидарность, но от этого легче не стало.

А на третьем уроке, надо же было тому случиться, разразилась гроза. Лиза предчувствовала грядущую непогоду, но сбежать с урока физкультуры было не так-то легко. Занимались в зале, физрук имел привычку закрывать зал на ключ – не вырваться.

Новенькая с самого начала урока проявляла беспокойство, а разрезала грозовое небо молния за окном, и девочка схватилась руками за голову. Упала на колени, забилась, будто отгоняя кого-то невидимого. Подбежал физрук, подхватил её на руки, затряс, пытаясь привести в чувство. Не помогло, пришлось отправлять кого-то из мальчишек за медсестрой.

С того дня одноклассники начали сторониться Лизы, а ещё к ней накрепко приклеилось обидное прозвище: припадочная.

Заводилой в классе была Рита Самарина, она-то и решала, кого принять в костяк класса, кого изгоем сделать. Лизина застенчивость и тот приступ на уроке физкультуры сделали своё дело – Лизу записали в когорту ботаников и тут же объявили негласный бойкот. Будь объявлен бойкот по всем правилам, девочка ничего не имела бы против, не лезут – и хо-

рошо, ей того и надо, но насмешки, каверзы, издёвки – стали неотъемлемой частью бойкота. Лиза не поддавалась.

К зиме страсти поутихли, девочку, странную и непохожую на других, оставили в покое. Просто скучно стало. Выдержку она имела железобетонную, на насмешки не реагировала, издёвки не замечала, и на роль жертвы ну как-то уж совсем не годилась.

Всё изменилось летом. Рита Самарина что-то не поделила с девчонками года на два старше себя, они не остались в долгу, решили отлупить её на пустыре. И получилось бы, начали они довольно резво, но на беду, ворвался в их междусобойчик маленький, рыжий торнадо в рваных джинсах, мальчишеской футболке и в мальчишеской же рубашке, завязанной в узел на поясе. Вдвоём они справились, и только теперь Ритка разглядела неожиданную заступницу. Ею оказалась Лизка Кузнецова, та самая, чудная одноклассница.

– Ну ты даёшь, Лизка! – восхитилась Рита. – Где так драться наловчилась?

– С братом на вольную борьбу хожу, – неохотно ответила Лиза, шагая к домам и не оборачиваясь. О том, что с вольной борьбой завязать придётся, слишком уж ездить далеко и утомительно, Лиза умолчала.

– Погоди, Кузнецова! – не отставала Рита. – Не беги же так! Давай поговорим.

– Ну чего тебе? – Лиза остановилась, обернулась. – Говори быстрее, я тороплюсь.

– Ты это... Лиз. Спасибо тебе.

Лиза, развеселившись, фыркнула. Снова двинулась к мамам.

– Лиз! – Рита догнала, схватила за рукав, останавливая. – Лизка, прости меня!

– За что?

– Что я так... ну в школе...

– Ладно, проехали, – дёрнув плечом в попытке освободиться, буркнула Лиза.

– Ты меня прощаешь? Прощаешь, да?

Похоже, таким людям как Ритка проще ответить положительно, чем объяснять, почему отказываешь, и Лиза неохотно кивнула.

– Ура! – взвизгнула Рита. – А ты далеко отсюда живёшь? А погулять тебя отпустят? Скучно одной, все разъехались, так может, вместе гулять будем?

– А потом? – холодно спросила Лиза.

– Что потом?

– Потом, в сентябре что будет?

– В школу пойдём.

– И снова меня гнобить начнёшь?

– Нет. – Рита вмиг стала серьёзной. – Не буду, Лиза. Обещаю! Я только сейчас поняла, – Рита кивнула в сторону пустыря, – как это обидно... и ни разу не весело.

И Лиза поверила, о чём в дальнейшем не пожалела.

Сейчас Рита работала следователем в полиции, при её де-

ательном характере работа оказалась самое то, Рита обожа-
ла её и часами могла рассказывать, как распутывали очеред-
ной висяк. Гордилась достижениями, искренне переживала
и сопереживала, а ещё её прозвали «детектор лжи», ещё с
детства Рита обладала способностью чувствовать ложь. Как?
Она и сама объяснить не могла, знала и всё тут. Врать ей не
имело смысла, всё равно ни слову не поверит.

– Ну и что же у вас приключилось? – по-хозяйски разва-
лившись на диване, спросила Рита.

Лиза принялась рассказывать. Рита хмурилась, пару раз
порывалась вмешаться в повествование, одёргивала себя,
слушала молча, но складывалось впечатление, что делает зар-
рубки в памяти, составляя список уточнений. Подруги забы-
ли о бутербродах, кофе давно остыл, настолько интересно
было одной рассказывать, второй – слушать.

Вот окончен рассказ, Рита протянула руку, взяла с подно-
са бутерброд, но, повертев его, положила обратно.

– Я вот что думаю, Лиз, – потупившись, проговорила
она, – Надо тебе к колдунье сходить что ли...

Лиза нервно хихикнула, один раз, второй, и вот уже ле-
тит по дому её задорный смех. Давненько эти стены смеха не
слыхали, всё больше тишину слушали, да неспешные, неве-
сёлые разговоры брата и сестры. Казалось, даже крошечные
чашечки на столе вздрогнули от неожиданности, Ритка уж
точно.

– Ты чего, подруга? – с опаской спросила она. А ну как

начнётся у Лизки истерика, что делать-то с ней? – Всё нормально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.